

Игорь Яковенко

**ПРИСТАЛЬНО ВГЛЯДЫВАЯСЬ.
КРИВОЕ ЗЕРКАЛО РУССКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ**

Статьи 2014–2017 годов

Игорь Яковенко

**Пристально вглядываясь. Кривое
зеркало русской реальности.
Статьи 2014-2017 годов**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2018

УДК 008
ББК 71

Яковенко И. Г.

Пристально вглядываясь. Кривое зеркало русской реальности.
Статьи 2014-2017 годов / И. Г. Яковенко — Автономная
некоммерческая организация "Издательство "Политическая
энциклопедия", 2018

ISBN 978-5-8243-2271-2

Проблемы и исторические вызовы, встающие перед современным человеком, требуют глубокого проникновения в существо культуры. Культуролог И. Г. Яковенко рассматривает эту проблематику в необычайно широком диапазоне, привлекая материал, принадлежащий разным научным дисциплинам. Такой подход позволяет автору формировать новое видение, формулировать стоящие перед обществом проблемы и выносить на суд читателя запоминающиеся прогностические суждения.

УДК 008

ББК 71

© Яковенко И. Г., 2018

© Автономная некоммерческая
организация "Издательство

"Политическая энциклопедия", 2018

ISBN 978-5-8243-2271-2

Содержание

Предисловие	5
Интеллектуальное мужество	6
Биологическая детерминация	9
Перейдем к культуре	10
«Бодрячок», или Фальшь казенного оптимизма	21
Россия, Великая война, Революция	32
Россия и собственность	43
Типология сознания	48
Личностное измерение традиционного доэкономического сознания	53
Проблема мещанства	56
Собственность, ответственность и свобода	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Игорь Яковенко

Пристально глядясь. Кривое зеркало русской реальности.

Статьи 2014–2017 годов

Предисловие

Творческая эволюция любого исследователя подчиняется определенным законам саморазвития, которые, во-первых, не постигаются, а во-вторых, неподвластны человеку. Те проблемы, что еще вчера волновали и привлекали внимание, уступают другим исследовательским сюжетам. А если мы говорим про человека зрелых лет, ко всему этому примешивается тревожная потребность успеть сказать нечто главное.

В предлагаемом сборнике статей по преимуществу представлены работы последних лет. Тематически они обращены к проблемам человека в культуре, руссиеведческим сюжетам и осмыслению всемирно-исторического процесса.

Последнее время автора все больше занимает дистанция между реальностью и нашими моделями понимания и переживания этой реальности. Дистанция эта принципиально неустранима, однако может варьировать в широком диапазоне. Чем глубже мы постигаем природу культуры, тем легче нам пробиться через защитные механизмы психики и продвинуться к пониманию природы и смысла, тех искажений реальности, которые доминируют в массовом сознании. Такая работа представляет далеко не только отстраненный академический интерес. Задача обретения психологического комфорта однажды может стать источником смертельных опасностей для общества, поскольку извращенная картина мира обрекает субъекта действия на неадекватное поведение.

Иллюзия хроноцентризма – одна из историко-культурных универсалий. Люди формируются, познают мир и проникаются убеждением, что их эпоха – ключевая и особенная. Им выпали чрезвычайно ответственные испытания и экстраординарные исторические задачи. Памятуя об этом, скажем, что человечество как целое действительно переживает сложные процессы качественных преобразований. В такую эпоху задача адекватного постижения реальности и создания языка, способного описать стремительно меняющийся мир, попадает в разряд высших приоритетов.

Размышления над этими проблемами лежат в основаниях настоящей работы.

Интеллектуальное мужество

Замечательная писательница, лауреат Нобелевской премии Светлана Алексиевич в середине 80-х годов прошлого века опубликовала книгу «У войны не женское лицо». Светлана Алексиевич опросила более 800 женщин-фронтовичек. Их воспоминания вошли в книгу. После того как книга была опубликована, писательнице стали приходить письма от фронтовиков, мужчин и женщин. Добавить в книгу их не удалось – вмешалась цензура. Информационно-аналитический интернет-портал «Гордон» опубликовал отрывки из писем к Алексиевич, не вошедшие в книгу. Свидетельства эти страшные. Приведу одно:

«Утром каратели подожгли нашу деревню... Спаслись только те люди, которые убежали в лес. Убежали без ничего, с пустыми руками, даже хлеба с собой не взяли. Ни яиц, ни сала. Ночью тетя Настя, наша соседка, била свою девочку, потому что та все время плакала. С тетей Настей было пятеро ее детей. Юлечка, моя подружка, сама слабенькая. Она всегда болела... И четыре мальчика, все маленькие, и все тоже просили есть. И тетя Настя сошла с ума: “У-у-у... У-у-у...” А ночью я слышала... Юлечка просила: “Мамочка, ты меня не топи. Я не буду... Я больше есточки просить у тебя не буду. Не буду...”

Утром Юлечки уже никто не увидел...

Тетя Настя... Когда мы вернулись в деревню на угольки... Деревня сгорела. Скоро тетя Настя повесилась на черной яблоне в своем саду. Висела низко-низко. Дети стояли возле нее и просили есть...»

Далее идут разговоры с цензором, и они в высшей степени примечательны.

«Из разговора с цензором:

– Да, нам тяжело далась Победа, но вы должны искать героические примеры. Их сотни. А вы показываете грязь войны. Нижнее белье. У вас наша Победа страшная... Чего вы добиаетесь?

– Правды.

– А вы думаете, что правда – это то, что в жизни. То, что на улице. Под ногами. Для вас она такая низкая. Земная. Нет, правда – это то, о чем мы мечтаем. Какими мы хотим быть!»

«Из разговора с цензором:

– Это – ложь! Это клевета на нашего солдата, освободившего пол-Европы. На наших партизан. На наш народ-герой. Нам не нужна ваша маленькая история, нам нужна большая история. История Победы. Вы не любите наших героев! Вы не любите наши великие идеи. Идеи Маркса и Ленина.

– Да, я не люблю великие идеи. Я люблю маленького человека...»¹.

Эти истории наводят на размышления: человеку свойственно формировать особую картину мира, в которой присутствуют фрагменты, адекватные объективной реальности (часто весьма значительные по объему), лакуны (то, что объявлено несуществующим, табуировано к упоминанию, «забыто») и ложные модели. Причем отклонения от реального не заданы гносеологическими проблемами, неполнотой наших знаний о реальности, неизбежным формированием ложных объяснительных конструкций в силу неполноты знания о конкретных аспектах реальности. Речь идет о присущей человеку потребности созерцания целостной, внутренне непротиворечивой, завершенной и психологически комфортной картины мира.

¹ ИАП «Гордон». URL: gordonua.com/publications/aleksievich-80220.html (дата обращения: 10.05.2015).

Кто-то скажет: так это всего лишь неполнота истинной картины мира, с некоторыми неточностями. Отдельные фрагменты опущены, отдельные аспекты комфортно интерпретированы, но и только. Мы же не отрицаем, что Волга впадает в Каспийское море. Ответ на подобные соображения принципиально важен: картина, в которой фрагменты истины присутствуют вперемежку с сознательной ложью, есть высококвалифицированная, правдоподобная ложь.

Наши рассуждения адресованы не общностям и идеологическим инстанциям, а отдельному человеку. Ибо человеку дано выбирать между истиной, в том числе страшной, безобразной, безнадёжной, и комфортной ложью, которую избирают по самым разным мотивам – конформизма, следования традиции, потребности в психологическом комфорте, стремления убрать неудобное, и так далее.

Ложная конструкция может быть комфортна, социально более перспективна, технологична. В частности, победа ортодоксального христианства в конкурентной борьбе с христианским гностицизмом (на этапе становления христианства как мировой религии в I–V веках и далее через всю историю христианской Ойкумены) задана тем, что гностическое миропереживание задаёт глубоко дискомфортную картину мира, а ортодоксальное христианство, в любых его изводах, успешнее примиряет человека с бытием. Ибо массовый человек взыскует не истины, а утешения.

В жизни каждого состоявшегося человека присутствует ключевое событие экзистенциального выбора. Об этом высказана масса тонких и глубоких суждений психологов и философов. Зафиксируем необходимость выбора и креативную сущность такого выбора. Для того чтобы состояться, необходимо обрести себя, заглянуть в глубинную суть собственной личности, осознать замысел Создателя, призвавшего тебя к жизни, то есть понять, в чем состоит именно твое призвание². И далее, ответив на эти вопросы, двигаться по избранному пути.

Экзистенциальный выбор – эмоционально насыщенный, целостный процесс постижения собственной сути. Он не равняется чисто интеллектуальному усилию. По нашему убеждению, одно из важнейших свойств состоявшейся человеческой личности, необходимое условие обретения свободы (свободы внутренней, духовной), выхода из состояния культурного автомата, в котором пребывает подавляющее большинство популяции землян, есть интеллектуальное мужество.

Эта сущность не дается человеку от рождения, однако может быть обретена как результат непрерывных нравственных и интеллектуальных усилий. Предельно упрощая и обнажая суть, интеллектуальное мужество – это способность задумываться об обусловленности бесконечного множества якобы самоочевидных вещей, окружающих каждого человека с момента рождения. Сакральные сущности, базовые мифы, традиции, речения Власти, рассуждения авторитетов – то есть все то, что впитывается с молоком матери и представляется самоочевидным (а как же иначе), можно либо принимать, либо осмысливать, переплавляя в собственное мировоззрение, которое является вашим личным достоянием. Пространством реализации вашей свободы и вашей ответственности – тем самым, за что вам предстоит ответить на Страшном Суде.

Интеллектуальное мужество – характеристика личности, предполагающая, по всей видимости, некоторую врожденную потенцию, но, тем не менее, требующая постоянного развития и формирования, непрерывного движения в глубь слоев бытия. Способности додумывать до конца, называть все сущности своими именами и проговаривать результат вслух.

Проблема интеллектуального мужества требует обсуждения системных факторов, неизбежно трансформирующих картину мира.

² В советскую эпоху понятие «призвание» утратило свой исходный смысл и стало трактоваться как талант, врожденная способность к чему-либо. Между тем призвание предполагает как объект призвания, так и субъект и в этом аспекте обретает глубокий религиозный смысл.

Мышление и эмоции человека (а мышление сплошь и рядом нерасторжимо сплавлено с эмоциями) задается многими факторами – биологическими, культурными, психологическими. Факторами стадиального порядка, поскольку мышление человека задается стадией исторического развития общности, к которой он принадлежит: архаическое мышление не тождественно мышлению традиционного общества, а традиционное не тождественно мышлению эпохи модерна. Стадиальные скачки в мышлении разрывают континуитет исторического развития и создают проблему коммуникации, поскольку сущностный диалог между носителями стадиально различающихся способов мышления по существу невозможен.

Зададимся вопросом: можно ли объяснить носителю культуры, практикующей человеческие жертвоприношения, безнравственность этой исконной, вписанной в систему мифологических представлений практики и необходимость покончить с нею? Практически борьба с человеческими жертвоприношениями шла через запрет и смертную казнь нарушителей запрета. Так же изживались людоедство, работорговля, кровная месть.

Мы коснулись широчайшего проблемного пространства. Не притязая на глубокую разработку всех исследовательских сюжетов, попытаемся просмотреть обозначенное пространство в порядке самого предварительного обзора.

Прежде всего надо уметь видеть как биологическую, так и культурную детерминацию нашего мышления.

Биологическая детерминация

Начнем с того, что зафиксируем существование этого уровня детерминации. Дети, особенно малые дети, исходно порождают трогательную реакцию у взрослых. Любопытно то, что эта реакция носит подлинно универсальный характер и распространяется на остальных млекопитающих. Есть особенности анатомии, строения черепа, лицевой мимики и поведения, присущие всем млекопитающим. В человека биологически заложено умиленное приятие образа ребенка, которое гарантирует позитивное отношение к малому и беззащитному существу. Нам в равной степени греет душу созерцание котенка, щенка или тигренка. Это, кстати, то, что отличало млекопитающих от динозавров и обеспечило млекопитающим мощное эволюционное преимущество.

Восприятие противоположного пола. Людям свойственно онтологизировать собственные эстетические реакции, не задумываясь особенно об их истоках и телеологии. Мне естественнее говорить о восприятии женщины. Категория прекрасного бесконечно сложна и многопланова. Там можно выделять множество уровней. Если же мы говорим о восприятии представителей противоположного пола, то помимо сложно выявляемых предпочтений, заданных генетически (антропологический тип, цвет волос, пластика движений), и культурно заданного восприятия (свой/чужой в культурном и субкультурном смысле) работает симультанное восприятие меры оптимального строения, переживаемого в категориях привлекательности или красоты. Об этом достаточно сказано и написано. Длинные ноги – из палеолита, так как сообщества охотников проходили десятки километров в день), широкие бедра – гарантия успешных родов, и так далее. Понятно, что на эти универсалии накладываются вариации моды, колебания, заданные этноплеменными различиями (земледельцы, кочевники на конях и в кибитках, лесные народы). Причем переходящие от предков генетически заданные предпочтения исходны и не осознаются в своем качестве, а заданы они для того, чтобы, выбирая партнера, воспроизвести своих предков³.

Биология ответственна и за восприятие видового другого как полюса растождествления. Посмотрите на реконструкции неандертальца. По первому взгляду они малосимпатичны, напоминают примитивных спившихся маргиналов и вызывают отчуждение. Это биологически заданное отторжение *конкурента homo sapiens* на сравнительно близком от нас этапе эволюции человека (последние неандертальцы исчезли 40–25 тысяч лет назад). Большие обезьяны как конкуренты не воспринимаются и отторжения не вызывают. Близкие, хотя не настолько выраженные реакции на расово иного можно наблюдать в традиционных гомогенных обществах. Расово иной воспринимается как другой, конкурирующий вид.

Наконец, биологические механизмы задают общее отношение человека к миру. Но об этом мы поговорим позднее.

³ Я осознал свои предпочтения только в очень зрелом возрасте. Все они исходили из генотипов моих предков и подчинялись задаче родить ребенка, воспроизводящего исходные характеристики. Что, собственно, и случилось.

Перейдем к культуре

Культурная детерминация значительно сложнее, многообразнее и драматичнее.

В самом общем виде культура и человек находятся в субъект-субъектных отношениях. Создатель инноваций может как разрушать культуру, так и развивать, адаптируя к изменениям общеисторического и социокультурного контекста. Для этого в каждой культуре есть механизм тестирования инноваций. Этот механизм вырабатывает решения: кого – на костер, что положить в долгий ящик (потом пригодится), что внедрять, но по-тихому, незаметно, а что – объявить возвратом к истокам и внедрять широко, и так далее. Что же касается массового традиционного человека, то он представляет собой культурный автомат. Все возможные и мыслимые для него реакции заданы врожденной культурой. Вариации (микросреда, личностные характеристики, социальный статус) покрываются целостностью данной культурной традиции.

Культура использует массу механизмов управления сознанием своих носителей. Это и иррациональный ужас от мысленного прикосновения к сакральным сущностям, табуированным к осмыслению. Это и рефлексорный конформизм. И заданное культурой ранжирование тем и дискурсов, разделение всего множества возможных тем на солидные, принятые в приличном обществе, и непристойные, нарушающие правила игры. Это и демонизация определенных исходных установок и их носителей. Это и клевета на противостоящую позицию, и, наконец, формирование пакета устойчивых дискурсов, оформляющих накатанные процедуры и формы выражения своих мыслей. Что всякий раз приводит к устойчивым и ожидаемым результатам.

Дело в следующем: каждая культура постоянно конкурирует с другими культурами в борьбе за два ресурса: людей и территорию. Поскольку человек, в силу массы самых разнообразных обстоятельств, может покинуть врожденную ему культуру и перейти в другую, культуры ценностно ранжируют мир на позитивный «наш» и негативный «их». А также закладывают иррациональный страх перед утерей врожденного образа жизни, привязывают человека к месту рождения, демонизируют исторические альтернативы «нашему» миру (к примеру, взаимная неприязнь кочевников и земледельцев), и так далее. В равной степени культура требует выполнения предписанных правил игры, подавляет диссистемные тенденции и вписывает в общую целостность контркультурные и субкультурные образования. Иными словами, манипулирует человеком, двигая его в нужном направлении.

Поколения советских людей из года в год ходили на выборы и переживали выборы как особый советский праздник (существенный элемент которого – буфет с дефицитными продуктами на избирательном участке). Ядро этого праздника – ритуал припадания к Власти и единения со «всеми советским народом» в акте голосования за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных». Только продвинутые интеллигенты с широким кругозором (выводящим их из множества нормальных советских людей) осознавали фарсовый характер советских выборов без выбора. Я уже не говорю о том, что миллионы людей *действительно верили* в построение коммунизма. Индоктринированный советский человек был честным и искренним носителем предписанной доктрины.

Тому, кто скажет, что приведенные примеры – дела давно минувших дней, предлагаем обратиться к сюжету на Первом канале российского телевидения от 12 июля 2014 года о трехлетнем мальчике в трусиках и футболке, распятом жидобандеровцами в городе Славянске. Один солдат прибивал, двое держали.

Можно перечислить и другие ухищрения. Необходимо интеллектуальное мужество для того, чтобы осознать, что родная, впитанная с молоком матери культура не является ни антро-

пологической универсалией, ни лучшей из всех возможных. Это – один из вариантов бытия человека. Кому-то он близок, кому-то – нет, а для кого-то является сущностью, отрицающей его бытие.

Повторим еще раз: от момента антропогенеза и до сегодняшнего дня культура манипулирует человеком. Прежде всего она трансформирует суждения об онтологическом статусе себя самой, а также пропорции времени и пространства. Любая культура (локальная цивилизация) – не что иное, как модус, выдающий себя за субстанцию. «Наша» культура исходна и вечна⁴. Мы не один из тысяч вариантов социокультурной целостности, реализованный в истории человечества, а антропологическая универсалия. Массовый американец полагает, что все люди на земле похожи. Все хотят демократии, свободы, общества равных возможностей, прогресса и развития и так далее. Если где-то люди этого лишены, то в силу тех или иных обстоятельств. Дайте им возможность, и они устроят нормальное общество. (Темные, запуганные люди, если их просветить, разъяснить и дать возможность организовать подлинно свободное общество – все пойдет прекрасно.) Идея о том, что для массового гражданина КНДР не просто нормальной, но единственно возможной является данная ему от рождения реальность, не укладывается в голове среднего «янки». Между тем онтологический раб постоянно озабочен тем, чтобы из бытия была исключена свобода, и готов отдать все силы и самую жизнь ради утверждения и сохранения естественного и органичного для него социокультурного космоса.

Правильный носитель традиционного сознания не в состоянии представить себе, что мир может быть устроен как-то иначе. Не получивший европейского образования традиционный индус воспринимает живущих рядом с ним христиан и мусульман как представителей отдельных каст. Идея о том, что возможны общества, в которых нет кастового разделения, не вмещается в его сознание.

Далее, культура задает трансформированную и отредактированную определенным образом картину реальности.

Начнем с самого первого, базового процесса наделения сущностей именами. Культура дробит универсум, выделяя отдельные сущности (процессы и явления), и дает им имена, в которых нерасторжимо слиты познание и оценка. Таким образом задается определенная картина мира. То, что в языке одной культуры предстает как позитивное и естественное, в другой может иметь совершенно иные оценки. К примеру, «кровная месть» – это освященный традицией обычай и моральный долг, лежащий на семье, в которой был убит один из ее членов, или варварский пережиток догосударственного бытия, требующий решительного искоренения? «Убийства чести» – непреложная норма исламского мира или еще один омерзительный пережиток средневековья?⁵

И дробление универсума, и наделение знаков определенными денотатами не являются ни единственно возможными, ни бесспорными. Так, в русском языке отсутствует понятие *privacy* (прайвиси). Иногда можно встретить перевод – «приватное пространство». Носитель отечественной культуры не склонен осознавать свое «приватное пространство» как значимую сущность, охранять его от посягательств и, соответственно, уважать чужую приватность.

Вспомним подлинно хамскую бесцеремонность, с которой люди из простонародья вмешиваются в чужую жизнь. Поучают, дают советы. Делается это из лучших побуждений, для блага объекта вмешательства. Идеи о том, что бесцеремонное вторжение в чужое личное пространство безнравственно, не

⁴ Исходна если не в эмпирическом смысле, то как тенденция присутствовала со дня творения.

⁵ Культурная норма, требующая от родителей или братьев покарать нарушителя священных норм и адатов. Жертвами чаще всего становятся девушки, посягнувшие на нормы исламской морали: вышла замуж за иноверца, покинула без разрешения отчий дом или сделала аборт. По оценкам Фонда народонаселения ООН, в исламских странах совершается до пяти тысяч «убийств чести» в год.

обретается в сознании этих людей. Для того чтобы осознать это, необходимо выпасть из синкретического целого и стать автономной личностью.

Со словом «приватное» в русском языке соотносится понятие «частное». Однако они кардинально различаются по смысловому и ценностному наполнению. Смысл слова «приватный» можно описать как *принадлежащий личности*. Отсюда английская языковая конструкция *private property*, которая по своему генезису и смысловому наполнению не тождественна понятию «частная собственность», хотя переводится на русский именно так. Дело в том, что в русском сознании *часть ниже целого*. Целое позитивно и онтологично, часть – ущербна, второстепенна и онтологически менее безусловна, нежели целое. Вспомним советское идеологическое ругательство «отщепенцы». Оно апеллировало к образу: есть наше, советское бревно. Мощное и могучее. И вот в силу случайных обстоятельств от него откололась малая щепочка. Откололась и повисла на тонком волоске. Одно движение, дуновение ветра – и случится непоравимое: щепка оторвется и улетит в пропасть.

Русский язык фиксирует стадию исторического развития, на которой *начинался процесс разложения родовой либо соседской общины*, и, соответственно, выделения из нее отдельного человека и частной собственности как социального базиса личностной автономии. Но это – особенность русского сознания. К примеру, в польском и украинском языках данная речевая конструкция строится калькой с английского: *wlasnoscia prywatna* – в польском и *приватна власність* – в украинском.

Далее, в каждой культуре происходит ценностное ранжирование универсума – все реалии делятся на сакральные, важные, профанные, неприличные, табуированные к упоминанию и осмыслению. Средний советский человек прекрасно знал, что такое политинформация и стахановец, но понятия не имел об ипотеке, волатильности и финансовых рисках. В результате формируется специфическая картина мира, в которой названы и выделены как значимые, заслуживающие внимания одни сущности и отправлены в фон как второстепенные, неприличные или табуированные другие. Скажем, в советской реальности существовали искушенные в истории знатоки, понимавшие особое значение словосочетания «запломбированный вагон» (речь идет о вагоне поезда, идущего через Германию от Швейцарии к Швеции, в котором в апреле 1917 года лидеры большевиков переправлялись в Россию). Однако обсуждать этот эпизод отечественной истории вслух категорически не рекомендовалось.

Язык закладывает глубинные основания миропереживания на уровне своей структуры. Фраза «Это стол» по-английски звучит *This is a table*, что дословно означает «Это есть стол». Во французском варианте – *C'est un buffet*. Из русского языка выпала связка «есть/ суть» в составных именных сказуемых. Мы не отдаем себе отчета в том, что тысячекратное повторение конструкции «это есть...» утверждает *онтологическую безусловность окружающей нас реальности*, которую можно попытаться изменить, но нельзя отредактировать. Ибо *это есть* или *это было*.

В русской культуре отсутствует глубинное убеждение в объективности мира, лежащего за рамками наших перцепций, его существовании по собственным законам, помимо нас и независимо от наших пожеланий. Автор помнит лозунг «Реки потекут вспять», звучавший еще в 50-е годы прошлого века. Сама идея построения коммунизма предполагала *изменение природы человека* и системы общественных отношений. Хилястический проект как фундаментальное богоборческое усилие исходил из *пресущестствления* этой природы, претворения ее в точку входа в Царствие Небесное. Для европейца, исходившего из научно-рациональной картины мира, такие построения лежали за рамками здравого смысла, в пространстве средневекового упования на чудо и благодать.

Надо сказать, что русская культура наделена гигантским потенциалом противостояния объективной истине. Здесь сразу вспоминается Достоевский, писавший: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше

хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Это существенно. Данная установка реализуется не только на уровне философского суждения, но и в тысячах обыденных ситуаций.

Помню, в молодости меня поражала глубочайшая безнравственность советского общества. Причем на самом массовом, низовом уровне. Детям ввали об аистах, от них скрывали сложные обстоятельства и проблемы старших. От больных стариков скрывали смертельный диагноз. Из самых лучших побуждений, «чтобы не расстраивать». В сознании носителей этой культуры истины как непреложной, абсолютной ценности не существовало. Я уже не говорю о том, что люди постоянно ввали по мелким, сиюминутным и грошовым поводам (трамвай сломался, у троллейбуса колесо отвалилось, застрял в лифте и так далее). Истинно то, что выгодно, то есть предпочтительно в данный момент по тем или иным мотивам. Как это замечательно пересекается с памятным старшему поколению тезисом Ленина «Нравственно все, что служит построению коммунизма, делу революции»⁶. В культуре с другими этическими традициями Ульянов-Ленин не имел бы шансов реализовать свои идеи.

В исламском мире бытует изречение «Даже Аллах не в силах сделать бывшее не бывшим». В нашей реальности все иначе. Если мир не являет собой непреложную объективность, его можно корректировать, подправлять, редактировать, увязывать с образом сакрального Должного.

Это еще не все. К примеру, понятие проблемы представляется нам самоочевидным. На самом же деле это не так: культура определяет, что есть проблема и каковы «правильные» пути решения этой проблемы. К примеру, традиционное крестьянство России хронически страдало от малоземелья. В традиционной семье рождались и выживали несколько сыновей, которые потом заводили собственные семьи. Однако земельный надел конечен. Участок земли меньше определенного предела не мог прокормить новые семьи. Из этой ситуации существовало три выхода: переселенческое движение на пустые земли; отход от традиционной технологии и освоение новых, прогрессивных технологий и, наконец, так называемый черный передел, то есть всеобщий передел земли и ликвидация помещичьего землевладения.

Переселение было достаточно сложным и дорогим предприятием, пустые земли существовали преимущественно на окраинах государства. Крестьяне с трудом поднимались на переезд, а случалось, и возвращались обратно. Власть и земская интеллигенция подвигали крестьян к освоению новых технологий, от чего традиционно ориентированный крестьянин категорически отказывался. Патриархальная крестьянская культура видела решение своей главной проблемы во всеобщем переделе земли. Крестьяне постоянно ждали «государевой воли», которая ликвидирует частную собственность на землю и передаст все пахотные земли в руки крестьянской общины. С этими упованиями крестьянство вошло в Февральскую революцию. Декрет о национализации всей земли и установлении для крестьян бесплатного землепользования от 12 ноября 1917 года обеспечил победу большевиков в Гражданской войне. Восторжествовало крестьянское понимание Должного, соответствующего традиционной культуре и отвечающего вековым упованиям крестьянства.

Так мы переходим к теме Должного: Должное – одна из центральных категорий средневековой культуры, описывающая совершенный идеал, трактуемый как сакральная норма. Должное невоплотимо в реальности, поскольку противостоит природе человека и природе социальных отношений, однако понимается как норма, которая обязательна для каждого правоверного и однажды воссияет во всей полноте.

Должное – сакральная истина, которая истинна в некотором высшем смысле. На уровне пошлой эмпирики реальность (сущее) может не соответствовать Должному. Не соответствовать здесь и теперь. Но соответствовать божественному замыслу, который непременно будет реализован в точке пресуществования. Пошлый и бескрылый европеец исследует объектив-

⁶ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 года.

ную реальность; носитель идеи Должного, взглядываясь в образ реальности, провидит замысел Создателя и узнает контуры этого замысла, скрытые в хаосе случайных и сиюминутных примет времени. В связи с этим примечательна теория «социалистического реализма», которая предписывала литературе не элементарную правдоподобность, фиксирующую скорбные и убогие реалии нашей жизни, но отражение в художественных произведениях «типического». А типическим была борьба за построение социалистического общества, победа новых людей и утверждение новых идей на фоне краха поборников старого мира.

Что побуждало людей верить в Должное и принимать его как краеугольный элемент культурного космоса? Дискурсы Должного проходят через всю жизнь традиционного человека «с молодых ногтей» до гробовой доски. Культура позиционирует Должное как безусловную нравственную истину (по правде, по справедливости), которая воспринимается как самоочевидная сущность. Главный обман и главное жульничество культуры состоит в том, что Должное постоянно декларируется, но практически никогда не реализуется *субъектами* этих деклараций. Апелляции к Должному и развернутые сокрушения по поводу того, что «они» (начальство, богатые, соседи, пришлые инородцы, молодежь) систематически попирают Должное и уклоняются от него, соседствуют с неуклонным попранием принципов сакральной справедливости поборником Должного в тысячах жизненных ситуаций. Осуждающий общественные пороки при первой необходимости «дает на лапу», при первой возможности подворовывает общественное достояние, требуя от окружающих солидарности, бежит донести на соседа и так далее.

Не менее значимы расхожие мифы и предубеждения, которые пронизывают сознание среднего носителя культуры. Исходно настороженное отношение к «инородцам», насмешливо-пренебрежительное отношение горожан к «деревне» – приезжим и мигрантам. Все эти фобии можно обобщить: чужое исходно инородно и всегда опасно. Никогда нельзя знать, что сделает чужак в следующий момент. В глубинке доживает настороженное отношение к европейской медицине. Врачи – это что-то чужое и непонятное, а потому опасное. Вот бабка Марья, которая искони лечит «наших» травами и заговорами, – это понятно и привычно. А убеждение, что «все эти таблетки одно лечат, другое калечат»... А борьба с вакцинацией по всему миру – от Пакистана до США... Мифы и предубеждения неисчислимы: летающие тарелки, масоны, рептилоиды... На смену одним мифам приходят другие, но само пространство мифов не оскудевает, поскольку мифы удовлетворяют базовой потребности архаического сознания в изоморфной этому сознанию картине мира.

Исходно мифологическое сознание – достояние архаиков и традиционалистов. Однако рациональное европейское образование не оберегает массового человека от мифологизации сознания. Нас окружает множество интеллигентских мифов. К примеру, расхожая антитеза «хорошие народы – плохие правители». Народы исходно и безусловно хороши: во всех проблемах и исторических коллизиях ответственность ложится на плохие правительства. Эти построения повторяются бесчисленно и воспринимаются как самоочевидные. Понятна гуманистическая составляющая первого члена данной антитезы. Другое дело – правители. Оторванные от народной стихии и подчиняющие мир своекорыстным интересам, они подвигают людей на зло. Иными словами, данная картинка хорошо вписывается в обще-интеллигентскую картину мира.

В некотором смысле все народы и народности исходно и безусловно хороши. Однако в реальности стадийные характеристики тех или иных этносов, политические и идеологические коллизии соотношения с другими народами создают ситуацию, в которой один хороший народ вырезает другой, не самый плохой народ. Сравнительно недавно, в апреле – июле 1994 года, в Руанде члены племени *хуту* вырезали от 500 тысяч до миллиона *тутси*. Представителей тутси массово насиловали, избивали и умерщвляли, их имущество присваивали. Межнациональная рознь тутси и хуту имела долгую историю. В геноциде тутси участвовали армия и отряды боевиков (интерахамве и импузамугамби). Однако большинство жертв погибли в

населенных пунктах от рук соседей и местных жителей. Геноцид в Руанде – реальность, от которой нельзя отмахнуться. Эти события не свалишь на преступное правительство и плохих эсэсовцев. Перед нами – подлинно народное творчество, в котором участвовали десятки, если не сотни тысяч людей.

Геноцид армян, понтийских греков и ассирийцев, начавшийся в Османской империи и продолженный кемалистами, охватывает достаточно длительный период (1894–1923). Геноцид преследовал стратегическую цель выдавить иноверцев с территории страны (прежде всего из Малой Азии). Основанием для этого служили опасения сецессии регионов с православным греческим, армянским и ассирийским населением. Первая фаза геноцида армян развернулась в 1894–1896 годах (Стамбул, Сасун, район озера Ван). Число убитых оценивается в сотни тысяч душ. В то же время в 1895 году разворачивается геноцид ассирийцев. При этом порядка 55 тысяч уничтожены, а 100 тысяч насильственно исламизированы.

В апреле 1915 года, в связи с нападением франко-британских сил на Дарданеллы, началось выселение армян из близких к побережью районов в район города Конья неподалеку от границ Ирака и Сирии. Как это происходило? Консул в Трапезунде докладывал, что каждый день видит, как орава ребятишек и турецких женщин идет за полицией и захватывает все, что может унести⁷.

Затем последовали растянувшаяся на несколько лет депортация и геноцид понтийских греков – уничтожение коренного греческого населения исторического Понта (проживавшего на данной территории более двух тысяч лет), осуществленное правительством младотурок и продолженное кемалистами в период 1914–1923 годов. В рамках так называемой Освободительной войны (май 1919 – октябрь 1923) под руководством Кемала Ататюрка шла война против христианских меньшинств – греков и армян. С мая 1915 года разворачивается следующая волна геноцида ассирийцев. Идут массовые убийства и насильственное выселение ассирийского населения в пустыни Сирии и Месопотамии. В этой «работе» принимали активное участие курдские племена.

Последний аккорд процесса уничтожения христианских народов на территории Турции – так называемый Стамбульский погром 6–7 сентября 1956 года. Из «Википедии»: «После погрома 2,5-тысячелетняя история греческого присутствия на территории современной Турции подходит к концу»⁸. Пострадало около 80 церквей, 4500 магазинов, 2500 квартир, 40 школ⁹. На этот раз число убитых было невелико. Ставилась цель *выдавить* греческое население из страны. Так, погромщики разрушали кладбища. При этом не только осквернялись памятники, но раскапывались могилы, из которых выбрасывали кости умерших. Грекам объясняли: «Уезжайте. Вам не будет покоя ни при жизни, ни после смерти». В результате из 140 тысяч греческого населения в городе остается несколько тысяч.

Понятно, что эти растянувшиеся на долгие десятилетия события нельзя списать на преступных правителей, группы радикалов и отдельных фанатиков. Перед нами подлинное историческое творчество широких масс. В отличие от погромов Средневековья геноцид христианских народов Османской империи и Турции, как и геноцид в Руанде, происходили сравнительно недавно и хорошо документированы. Эти свидетельства позволяют оценить масштабы и увидеть фактуру событий – разграбление имущества, убийства и изнасилования, вскрытие могил.

Оценка народов и народностей в категориях «хороший/плохой» бессмысленна. Народы различаются стадией исторического развития. Стадии эти задают типологию ментальности, которая определяет универсум человеческого поведения. На определенных стадиях ванда-

⁷ URL: <http://fb.ru/article/260178/pochemu-turki-ne-lyubyat-armyan-genotsid-armyan-goda>

⁸ «Википедия». Словарная статья «Стамбульский погром»: URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Стамбульский_погром

⁹ Там же.

лизм, уничтожение противника, изгнание босых и голых на верную смерть – нормальная практика. Так же, как людоедство, человеческие жертвоприношения, работорговля и тому подобное. На другой стадии эти эксцессы воспринимаются как абсолютно невозможные. И, безусловно, рядом с теми, кто грабил и убивал, были другие, которые спасали, прятали несчастных, помогали скрыться. Сколь ни мал и даже ничтожен процент этих «других» – они были и будут. Знание об этом и уверенность в устойчивости данной категории дает нам силы жить на этой земле.

А вот еще одна прекрасно звучащая интеллигентская мантра: каждый человек от рождения в чем-то одарен и потенциально талантлив. Каждый в детстве-юности мечтал о прекрасном. Мы, общество, не смогли увидеть заложенные в нем потенциалы, развить их, дать раскрыться. Вот человек и спился, «сошел с круга», совершил преступление. Ложь это. Биологи свидетельствуют: в нормальной популяции млекопитающих 3–7 % «искателей», ориентированных на освоение новых территорий, одаренных особей¹⁰. Остальные созданы для обживания устойчивой реальности, они воспроизводят вечные модели бытия, плодятся и размножаются. Бывает, что талантливый человек задыхается в корежащей его среде и «сходит с круга». Но на каждого такого приходится десятки заурядных, бесконечно скучных, бескрылых людей, которые проживают тоскливую и однообразную жизнь. Если они маргинализируются и погибают от варварского потребления наркотиков или спиртосодержащих хозяйственных жидкостей, то перед нами не трагедия нераскрывшегося таланта, а трагедия бескрылой заурядности, не нашедшей ни своего места в жизни, ни сил нести бремя существования в этом мире. В подобных процессах нет вины общества, школы или окружения (это окружение, как правило, мало отличается от погибшего). Есть жестокая поступь законов природы.

Особого внимания заслуживают две великие мифологии – Просвещения и Прогресса, доминирующие в европейском сознании последние два-три века. Надо заметить, что следует различать концепции просвещения и прогресса и мифологические интерпретации этих теоретико-идеологических конструкций. Массовому человеку свойственно мифологизировать любые теоретические модели, попадающие в поле его зрения.

Вначале необходимо одно обобщающее суждение: при том что Просвещение и Прогресс могут противостоять христианству либо отстраняться от него, эти учения базируются на позитивном религиозно-философском бэкграунде (оформление которого принадлежит христианской доктрине). Предельно обобщая – *мир создан для человека*, который находится в логическом центре творения.

В связи с этим стоит привести данные одного из научных экспериментов. Группа английских и американских ученых провела математический анализ истории человечества между 1500 годом до нашей эры и 1500 годом нашей эры. Была построена модель Афро-Евразийской суши, на которой были размещены как все кочевые народы, так и аграрные общества. Проверяемая гипотеза состояла в том, что движущей силой эволюции человечества было совершенствование орудий труда и последующие войны. Эта модель предсказывала, что становление сложных социальных институтов, способствующих сотрудничеству генетически неродственных людей, происходит быстрее там, где войны более часты и жестоки. Проверка показала, что гипотеза точно предсказывает то, что имело место в реальности¹¹.

Человек *не является самоценной сущностью*. Он – расходный материал, позволяющий разворачивать всемирно-исторический процесс. Зачем это нужно и каковы цели Создателя – специальная религиозно-философская проблема. Однако трогательное утверждение чеховской героини: «Человек создан для счастья, как птица для полета» – не выдерживает сопо-

¹⁰ В современной реальности homo sapiens этому соответствуют 5–7 % индивидуумов с выраженной личностно-ментальной доминантой.

¹¹ Математика поверяет историю // Знание – сила. 2014. № 8. С. 107.

ставления с реальностью. Реальность эта имманентно драматична. Она требует постижения, мужества и личностного достоинства.

А теперь перейдем к более подробному анализу. Начнем с Просвещения. Свет знания, рассеивающий темноту невежества и просвещающий живших во мраке несчастных, которые, просвещенные светом знания, идут к новой, счастливой жизни, – это сказка. В реальности научно-рациональная картина мира отрицает и разрушает альтернативную ей модель Вселенной, структурированную мифологическими комплексами архаического сознания. Картина эта существовала тысячелетия, необычайно цепкая, закреплённая в каждой клетке социокультурного пространства (в фольклоре, мифах, убеждениях) и то и дело прорастающая в новом «просвещенном мире» в новых/старых мифах, ментальных привычках, фантастических слухах и поверьях.

Разрушение культурной парадигмы, слом картины мира – всегда трагедия, раскалывающая поколения, проходящая через судьбы людей, травмирующая сознание, которое стремится примирить, «сшить воедино» исконные модели миропереживания и новые установки. На такую смену уходят века. Но в реальности общество расслаивается, и рядом со слоем, преимущественно живущим в Новом времени, существует слой по преимуществу традиционный, обреченный на периферию социокультурного пространства и маргинализацию.

Прогресс не только завершает эпоху перманентного голода и безобразной нищеты социальных низов, но и несет массу проблем. Он уничтожает профессии, ликвидирует целые отрасли экономики, рушит устойчивый образ жизни, стирает с карты населенные пункты, ведет к переселению в мегаполисы миллионов людей и обезлюдению огромных пространств. Современные ученые, исследующие проблемы модернизации, работают с понятием «созидательное разрушение»¹², указывая, что технологические инновации приносят обществу процветание, но эти результаты сопровождаются созидательным разрушением, затрагивающим работу и образ жизни массы людей, которые оказываются «вчерашними» и ненужными в новой реальности. Прогресс несет перманентные изменения. Все это – полноценная человеческая трагедия. Порожденная прогрессом реальность в буквальном смысле утверждается на костях «вчерашних», проигравших социальных общностей, поколений, племен и народностей, которые не смогли вписаться в новый, яростный мир. Историческая динамика неизбежна и единственно возможна, но она всегда порождает человеческие трагедии.

А есть и особый механизм исторического снятия больших нетрансформативных целостностей, о котором не любят говорить вслух. Речь идет о том, что стадийно «вчерашние» сообщества, оказавшиеся в резко изменившейся реальности и не способные к необходимому изменению, переживают глубокий кризис и входят в разнообразные процессы исторического снятия. Для того чтобы живо представить себе, о чем речь, достаточно обратиться к судьбам сельской глубинки Нечерноземья, которое от тоскливого прозябания позднесоветской эпохи перешло к вымиранию и деградации. Колхозы и совхозы кончились; все, что можно было растащить, ушло сквозь пальцы. Наиболее подвижные сбежали в мегаполисы. Оставшиеся спиваются, гибнут в бессмысленных драках, замерзают в неотапливаемых помещениях. И это не единственный сценарий схождения с исторической арены общностей, зашедших в тупик. Они могут гибнуть в бессмысленных войнах, исчезать на пути в неведомые дали¹³.

Негативные последствия трендов глобальной исторической динамики многообразны. В самое последнее время специалисты стали называть вещи своими именами и заговорили об *эпидемии ожирения*, поразившей человечество. За последние 15–20 лет число избыточно туч-

¹² См.: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016.

¹³ В конце XIX – начале XX века русские крестьяне-старообрядцы целыми партиями отправлялись из Бухтармы (Алтай) на поиски Беловодья – сказочной страны свободы и справедливости. Эти экспедиции не только заходили в глубь Китая, но добирались до Северной и Южной Америки.

ных людей выросло на порядок. От них некуда спрятаться. Нарушение биологических констант бытия *homo sapiens* даром не проходит. Десятки тысяч лет люди периодически недоедали, жили под угрозой голода, переходили с места на место в поисках элементарного пропитания. Хоронили близких и жили с ощущением, что смерть где-то совсем рядом. В 50-х годах прошлого века вначале США, а затем Западная Европа вступили в эпоху общества потребления. Во второй половине XX века голод отступил по всему миру и стал локальным явлением. Ситуация, когда пропитание гарантировано, стала естественной и превратилась в константу бытия. Человеческая природа мгновенно отреагировала на это массовым ожирением, то есть ухудшением качественных характеристик популяции¹⁴.

Рост плотности населения земного шара, ведущий к исчерпанию территории и ресурсов, задал мощный импульс объемному росту гомосексуальных практик и изменению культурного статуса этого явления. Гомосексуальные отношения существовали всегда. С утверждением христианства они были отодвинуты за рамки Должного во внекультурное пространство и занимали незначительный объем. Сегодня наблюдаются резкий рост и легализация гомосексуальных практик. Это очевидным образом связано с демографическим переходом в урбанизированных обществах, а также с окукливанием белой расы. Но об этом не говорят вслух.

Прогресс медицины ведет к накоплению генетического груза и разрушает устойчивые биологические механизмы пресечения нежизнеспособных, тупиковых «побегов». Женщина, которая прежде не могла разродиться, умирала родами и завершала тем самым нежизнеспособную линию развития, сегодня рождает, и ее потомки воспроизводят и накапливают генетические проблемы. Те же процессы связаны с выхаживанием детей с врожденными заболеваниями и аномалиями. Здесь мы сталкиваемся с неразрешимым противоречием. Святое родительское чувство и прогресс медицины разрушают естественный биологический механизм саморегуляции, отсекающий воспроизводство неадаптивных особей.

Человек фундаментально не создан для счастливой и спокойной жизни; он, как и все остальные виды млекопитающих, создан для выживания в жесткой и стрессогенной конкурентной среде. А будучи вырванным из этих условий, стремительно деградирует как биологический вид.

Люди, пару поколений прожившие в обществе потребления, не отдают себе отчета в том, что перманентная опасность голода и смерть – неустранимые условия существования. И более того, что за сотни тысяч лет сложилась устойчивая психологическая потребность в проживании и переживании этих состояний. В первое послевоенное десятилетие европейский и американский кинематограф снимал красивые костюмированные сказки из жизни высшего общества прошлых веков. Люди, пережившие ужасы мировой войны, искали красивую сказку и образы покоя. Но в 1960–70-е годы в массовую культуру приходит жанр фильмов-катастроф. С одной стороны, фильмы-катастрофы художественно оформляли перспективу ядерной войны. А с другой – реализовывали потребность населения евроатлантического мира в художественно замещенных образах смерти. Малые дети пугаются страшного мультипликационного волка, но они испытывают потребность в переживании эмоционально оформленного образа смерти. И это не ограничивается кинематографом XX века. Мир народной сказки и фольклорной песни несет тот же образный строй. В замечательной народной колыбельной «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю...» входящий в жизнь ребенок обретает важнейшую истину – прижмись к маме, смерть бродит где-то совсем рядом.

Здесь имеет смысл обратиться к эксперименту американского этолога Джона Кэлхуна «Вселенная-25» (*Universe 25*, 1969–1970). Ученого интересовали связи между популяционной плотностью и поведением

¹⁴ У автора есть ощущение, что резкое ожирение коррелирует со снижением рождаемости. И в этом отношении выступает одной из форм выведения из бытия популяции, нарушившей базовые условия существования.

сообществ грызунов. Для мышей был создан «рай» (изобилие еды, чистота) в строго ограниченном пространстве. Вслед за взрывообразным ростом популяции на начальном этапе наступило снижение темпов, появились отверженные молодые особи, росла агрессия. Самки стали убивать своих детенышей, становились агрессивными отшельниками и отказывались от размножения. На последней стадии, или «стадии смерти», появилась генерация самцов, названных «красавчиками». Красавчики не вступали в борьбу за самок и территорию, не проявляли активности к размножению – только ели, спали и чистили шерстку. К моменту завершения эксперимента вся популяция вымерла.

Предвидя катастрофу, несколько самок и самцов-красавчиков были перенесены в отдельные загоны. Обнаружилось, что мыши и там не пытаются спариваться. К изумлению ученых, покинувшие рай мыши своего поведения не изменили и отказались выполнять функции, связанные с репродукцией. В итоге не было новых беременностей и все мыши умерли от старости. Иными словами, трансформация, которую пережило сообщество мышей, включенное в эксперимент, оказалась необратимой.

Эксперимент Джона Кэлхуна в высшей степени поучителен и наводит на размышления. Специалисты говорят о том, что прогресс генной инженерии позволит корректировать любые врожденные дефекты. Далее прогресс технологий может снять проблему размножения, минуя сексуальные отношения между людьми. Наверное, все это возможно. Однако такой уровень вмешательства в природу человека представляется мне запредельным, и жить в этой стерилизованной реальности категорически не хотелось бы. Слава Богу, до той поры я не доживу.

Отдельного разговора заслуживают *идеологические искажения реальности*.

Если культура трансформирует картину мира сравнительно мягко и слабозаметно, то любая идеологическая традиция воинственно партийна. Культура существует в более или менее гомогенной реальности. Она всеобща и самоочевидна. Идеологии возникают и существуют в мире, который не удовлетворяет идеологов. В этом мире существуют конкурирующие социальные силы и идеологические построения. Исходная цель всякой идеологии – коррекция либо полное преобразование «старого мира». А потому идеологии несут в себе мобилизационный потенциал, импульс действенного преобразования.

Идеология диктует картину мира и вытекающую из нее систему норм таким образом, что любая другая позиция трактуется как чуждая либо прямо враждебная. Идеологические конструкции формируют острое неприятие альтернатив. Профанируют и демонизируют их, объясняют чьими-то происками, в основе которых лежат своекорыстные интересы врагов божественной истины и справедливости. В этом отношении идеологии выступают мощнейшими механизмами порабощения человеческого сознания. В культурно-психологическом плане идеологии представляют собой механизм *комфортного закабаления* сознания. Апеллируя к якобы очевидным резонам и обстоятельствам, психологически комфортным для адепта данного учения, идеологи выстраивают картину мира, в которой нет ни альтернатив, ни места для сомнений.

Наука и идеология. В последние двести лет идеология часто прикрывается лейблом науки, то есть знания надпартийного и объективного, заинтересованного исключительно в истине. Это ложь. Любой профессионал сразу различает научный и идеологический тексты. Ученый не знает результата, к которому должно прийти исследование. Некоторое исходное представление есть, но и только. Идеолог же знает результат исходно. Идеологический текст раскрывает предсуществующую в сознании автора панораму.

Главный соблазн всех ложных доктрин – простой, понятный, легко объяснимый и психологически комфортный мир. То есть именно то, что нужно маленькому человеку. Альтер-

натива, формирующаяся на путях движения к интеллектуальному мужеству, – крах Должного и глубочайшая коррекция устойчивых, якобы самоочевидных, положений. В результате складывается картина сложного, дискомфортного, малоустойчивого и несправедливого мира. Для того чтобы жить в этом мире, жить, сохраняя достоинство и верность нравственным нормам, необходимо упомянутое выше интеллектуальное мужество.

Идеологическое сознание представляет собой огромный неустрашимый пласт массовой ментальности. Крах одной идеологии ведет не к торжеству свободы, а к замене одной фальшивой, односторонней картинки на другую, отличающуюся в массе деталей, но столь же одностороннюю. Поэтому самыми приличными оказываются переходные исторические эпохи, когда одна идеологическая традиция потерпела крах, а другая еще не успела устояться и окрепнуть, еще не стянула медными обручами головы подданных.

«Бодрячок», или Фальшь казенного оптимизма

Живя в нашей стране, мы с раннего детства окунались в атмосферу казенного оптимизма. Это радостно-бодрые и бесконечно фальшивые детские песни и оптимистические мультки, в которых добро всегда побеждает зло, лисица и волк уходят посрамленными, а козлята с поросятами весело пляшут по случаю избавления от напасти. И общая атмосфера детского кино и литературы, которую можно описать в сентенции, – «жизнь советских ребят – это веселый праздник». Бесконечная повторяемость делала названную установку привычной и, казалось, единственно возможной. В этой атмосфере простая мысль о том, что праздник есть *упразднение от дел* и как таковой обретает цену и смысл только в контексте долгих и напряженных усилий, не приходила в голову.

СТИШОК Федора Миллера «Раз, два, три, четыре, пять, Вышел зайчик погулять», памятный поколениям россиян, давно утратил автора и стал народным. Не так давно пришлось столкнуться с редактурой данного произведения. Из детского сада сын принес оптимистическое завершение. После строк «Пиф-паф! Ой-ой-ой! Умирает зайчик мой!» следовало «Принесли его домой, Оказался он живой». Воля ваша, но я решительно не постигаю, зачем делать из детей идиотов.

Мы живем в великой и прекрасной стране, «наш» народ просто обречен на светлое будущее. Жизнь прекрасна. В ней нет места страхам, боли, страданиям. Если и встречаются отдельные недостатки и проблемы, если «кто-то кое-где у нас порой» нарушает и причиняет страдания другим, то это частности, которые последовательно изживаются и непременно сгинут в стратегической перспективе.

Мы слышали это в самых разных редакциях тысячекратно, и такая установка входила в сознание как сама собой разумеющаяся. Массовому человеку свойственно смотреть на мир не собственными глазами, а глазами врожденной (усвоенной с молоком матери) культуры. Поэтому собственный жизненный опыт игнорируется или воспринимается как сумма частных и разрозненных наблюдений, в то время как культура диктует базовые истины о мире.

Так вот, все это – большая ложь, фундаментально искажающая природу бытия и базовые обстоятельства жизни человека. Одно из положений византийской философии утверждает, что бытие дано человеку в антиномиях. Так, относительно мира, в котором мы живем, справедливы два взаимоисключающих суждения: «мир прекрасен» и «мир ужасен». Посмотрите прекрасные панорамные кадры на каналах National Geographic и Animal Planet. Сила их в том, что это не придуманный и нарисованный, но подлинный, зафиксированный камерой Мир Божий, в котором нам выпало жить. Посмотрите вокруг себя, и вы увидите не только серую обыденность, хлябь и ужасы окраин, но и высокую, подлинную красоту. Надо только поймать момент и найти ракурс.

В то же самое время каждый из нас, если он не круглый идиот, знает: мир ужасен и бытие в нем трагично. Нет нужды перечислять болезни, смерть, страдания, отчуждение, зависть, злобу и страхи. Бесконечные заботы, буквально съедающие человека, пригибающие его долу. Насилие, ложь, предательство, безнадежно больные дети, беспомощные нищие старики и многое, многое другое.

Окружающая нас по временам картинка устойчивого благополучия призрачна и не может притязать на суммативный образ реальности. Клошары, спящие на ступеньках вокзала, являют собой наглядный вызов обществу изобилия, фактом своего существования, стойким запахом мочи от рваных штанов и давно не мытого тела утверждая, что не может быть общества, в котором *все сыты и счастливы*.

Бытие трагично. Трагедия бытия раскрывается человеку по выходе из детства (когда опека родителей отступает, а молодой человек сталкивается с реальностью во всей ее полноте и готовится к самостоятельному вступлению в мир) и сопровождает до конца дней. Познание этой истины знаменует переход от отрочества к зрелости. В годы моей юности молодые люди из предместий делали себе наколку «Нет в жизни счастья», фиксируя открытие на руках или груди. Такова реальность. Из этого можно делать самые разные выводы как на уровне религиозно-философском, так и на уровне жизненной позиции отдельного человека. Но, прежде чем делать выводы, данное обстоятельство надо признать.

Реальность такова, что не все рожденные оказываются в силах нести на своих плечах бремя бытия. Статистика фиксирует такое явление, как молодежный суицид. Подростки и молодые люди уходят из жизни по собственному желанию. Врачи подробно анализируют провоцирующие факторы и обстоятельства, описывают признаки кризисного состояния. В этих работах недостает одного обобщающего суждения: молодой человек выходит из детства и включается в большой, взрослый мир. Он неизбежно отдаляется от родителей и оказывается один на один с реальностью, которая (как реальность внешнего мира, так и внутренняя реальность собственного сознания и психического строя личности) оказывается страшной и неуправляемой. Совсем не похожей на те сказки про жизнь, которые окружали подростка с детства. Он не научился управлять своими страстями и не всегда знает, как поведет себя в следующую минуту. И наступает момент, когда уже нельзя подбежать к маме, уткнуться головой в живот и спрятаться от этого мира. Впервые молодой человек лицом к лицу сталкивается с трагедией бытия. И далеко не все выносят это столкновение.

Суицид молодых не единственная острая тема. Есть и еще один фактор нашей жизни – маргинализация, «схождение с круга», медленное, но последовательное выведение себя из бытия достаточно значительного слоя общества. Здесь базовая стратегия – алкоголизация/наркотизация. Во все времена есть устойчивая доля людей, не вписывающихся в мир и «сходящих с круга». Сверх этого периодически разворачиваются процессы схождения с исторической арены и выведения из бытия «вчерашних», проигравших, не адаптирующихся к изменившемуся миру, о которых шла речь выше. Эти процессы существенно увеличивают объем слоя общества, ступившего на путь маргинализации¹⁵.

Наряду с эпохами сравнительно спокойного, континуального развития наступают эпохи революционных скачков и сломов. Здесь драматические события разворачиваются во весь рост. Переход на следующую стадию исторического развития возможен только тогда, когда большая часть «вчерашнего», стадийно балластного, населения уходит из жизни. Исторические скачки сплошь и рядом сопряжены с драматическим сценарием прерывания исчерпавшей себя ментальной традиции. Носители уходящего исторического качества не воспроизводят себя в детях в случаях: а) физической гибели; б) деградации; в) профанированного прозябания с лейблом «вчерашнего неудачника», от которого отрешиваются все те, кто стремится войти в новый мир и найти в нем пристойное место.

Мы говорим о полноценной трагедии целых поколений, спивающихся, отверженных, утративших способность понимать этот свихнувшийся мир, замкнувшихся в себе либо в обществе таких же «вчерашних неудачников». Людей, лишенных историей важной человеческой радости – на старости лет узнать в своих детях и внуках себя. Специфика российского общества состоит в том, что на протяжении последних ста лет в России в пароксизмах эсхатологической истерии умирало застойное традиционное общество, замещаясь микстом частично модернизированных мигрантов первого-второго поколения и носителей зрелой городской культуры.

¹⁵ По оценкам экспертов, 15 % населения России выпивает 85 % алкоголя. См.: Титаев К. Снижением уличной преступности мы обязаны «танчикам». Новая Газета. 2017. 17 февраля. № 17. Эти 15 % и составляют устойчивую группу сограждан, ставших на путь ускоренного выхода из бытия.

Периодически напряженные преобразования сменялись недолгими эпохами относительной стабильности («застой»), но затем разворачивался новый этап обвальных трансформаций, отрицавший и обесмысливавший строй жизни миллионов простых людей. В этих исторических условиях высокий уровень маргинализации неизбежен.

В столице и миллионниках это не так заметно, а в глубинке процессы маргинализации разворачиваются на глазах каждого, способного видеть окружающую его реальность. В советские времена существовал такой идеологический конструкт – «активная жизненная позиция». Носители этого типа сознания обращаются и к власти, и к общественному мнению с громким призывом: Помочь! Заслонить! Уберечь! Бессмысленность и эгоистический подтекст названных социальных рефлексов, как правило, не осознается. Человеку, утратившему фундаментальные основания собственного бытия, нельзя запретить спиваться и кончать жизнь самоубийством. Нельзя по моральным основаниям, поскольку такая позиция покушается на его свободу. Далее, это эгоистично и жестоко. Он должен жить, поскольку для нас тягостна картина человеческой деградации и неприемлема сама мысль о том, что рядом с нами кто-то страдает и умирает. Мы не хотим признать, что жизнь человека, ставшего на путь деградации, превратилась в непереносимые страдания. Можно объяснить, что самоубийство – грех, но жить или не жить – решает сам человек. Кроме всего прочего, любые попытки помешать естественному течению событий в подобной ситуации, как правило, бесперспективны. А бесперспективны в силу упомянутой выше общеисторической закономерности: люди, не способные к жизни в утвердившейся реальности, обречены на вымирание.

Понятно, что наше суждение скандальным образом разрушает прогрессистскую мифологию и оптимистический настрой нормативной картины мира. Из данной коллизии можно сделать два вывода: либо осознать мифологическую природу обозначенных воззрений, либо ринуться осуждать и «исправлять» реальность, не укладывающуюся в мифологическую картину. Массовый россиянин, для которого миф первичнее и онтологичнее реальности, как правило, выступает сторонником второго пути.

Пора изживать в себе жизнерадостного идиота и осознавать, что боль и страдания заключены в самой сути человеческой экзистенции. Что далеко не все смертные находят силы нести на своих плечах бремя жизни вообще и жизни в государстве и цивилизации в частности. И эти люди имеют моральное право деградировать и кончать жизнь самоубийством. Осознать, что созерцание боли и страданий, созерцание деградирующих и отверженных составляет неотъемлемый аспект человеческого бытия. Это одно из испытаний, которое дано каждому на жизненном пути. Нельзя заставлять человека удовлетворять стандартам поведения, представляющимся массовому человеку обязательными и естественными. Бездумный также естествен и неустрашим из бытия, как и массовый человек.

Однажды пришлось столкнуться с печальным явлением. Получившие образование взрослые люди не различают природных закономерностей и культурных установлений. Люди категорически отказываются осознавать, что человек – природное существо, вписанное в мир природы и подлежащее общим закономерностям живой и неживой природы. Утверждение: взятки – это нормальная и неустрашимая реальность социальной жизни (а значит, можно стремиться минимизировать взяточничество, отдавая себе отчет в том, что явление это принципиально неустрашимо) – встретило полное непонимание. Как же так, это ведь плохо? Верность сакральному Должному и финалистическое советское сознание трансформируют картину мира. Нормально то, что установлено человеком здесь и теперь, то есть то, что задано актуальной культурой. Мысль о том, что существуют природные законы и природные процессы, которые представляются нам нежелательными, однако реализация этих законов природы *нормальна*, а ненормально нарушение или отмена действия каких-либо законов природы в определенном пространстве (и для этого необходимы особые технологии и специальные усилия), не укладывается в массовом сознании.

Раньше бедственное положение социальных низов проходило по ведомству ужасов эксплуататорского общества. История продемонстрировала, что в СССР и других странах, свободных от эксплуатации, нищета, депопуляция и деградация присутствуют куда шире, чем в странах – лидерах «мира капитала». Мы не говорим про Кампучию Пол Пота или Советский Союз до 1956 года. Относительно спокойное позднесоветское общество деградировало и бедствовало куда энергичнее царской России. Иными словами, все не так просто. Люди, стоящие на общегуманистических позициях и зараженные прогрессистски-просветительским мировидением, отказываются видеть общеисторическую обусловленность процессов вымирания широких социальных категорий в эпохи исторических переходов. Никакая статистика не срабатывает. Историки и демографы оценивают человеческие потери России за XX век в 113 миллионов человек¹⁶. Разумеется, впрямую за это ответственны революции и правящие режимы. Однако и войны, и революции, и правившие в России политические режимы являлись (и являются) особой, варварской формой вписания в современность застойного общества, перманентно отгораживающегося от остального мира.

Читатель может обратить внимание на упомянутые автором «общегуманистические позиции». Как же так, ведь гуманизм это хорошо? Гуманизм – это прекрасно, но надо отдавать себе отчет в том, что гуманистическая позиция в пределе *предполагает отказ от внутривидовой борьбы*, а это – химера. Вид *homo sapiens* нельзя вывести из пространства общебиологических детерминант. Такой отказ можно представить себе на уровне нравственной позиции отдельной личности. Что же касается человеческих сообществ, то здесь возможны либо ханжеское лицемерие, прикрывающее дистанцию между прекраснодушными декларациями и реальными практиками, которые поддерживают и закрепляют собственные позиции в конкурентной борьбе, либо оттеснение и гибель рассматриваемого сообщества носителями менее возвышенной жизненной философии, которые остались верными практикам внутривидовой конкуренции. А относительно упований на изменение сознания всего человечества и дружный отказ от борьбы всех и каждого за кормушку, жизненное пространство и доминирующее положение в стаде надо сказать, что это – беспримесная химера.

Россиянин убежден: если люди страдают, болеют, нищенствуют, деградируют и вымирают, то в этом кто-то виноват: эксплуататоры, колонизаторы, злые пришельцы, международные корпорации. Нельзя признать, что перечисленные процессы соответствуют природе вещей, что они закономерны. Если допустить такое, то уютный и психологически комфортный мир рухнет. Однако и страдания, и самые разнообразные проблемы, и схождение с исторической арены – закономерный и естественный процесс. Мы можем стремиться оптимизировать нашу социальную организацию и поведение с тем, чтобы минимизировать проявление тех или иных эффектов. Но снять их и полностью устранить в принципе невозможно.

Так, человеку свойственно ошибаться. Всякий организм, наделенный автономной системой принятия решений, иногда принимает неоптимальное решение. И чем сложнее организм, тем шире и сложнее пространство поведения этого существа. Соответственно, тем шире и разнообразнее пространство возможных ошибок. Ошибок с самыми разнообразными последствиями – как для ошибающегося, так и для других людей. К примеру, поведение, которое мы определяем как «наркомания», присуще всем сложноорганизованным видам, наделенным нервной системой, – птицам, млекопитающим. Кошачьи, козы, слоны, обезьяны предаются поеданию

¹⁶ Демографическая модернизация России: 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. Серия «Новая история». М.: Новое издательство, 2006.

субстанций, вызывающих наркотический эффект. Это нормально. Человек входит в обозначенную нами группу живых существ, и только. Следовательно, он может как прожить жизнь в рамках приемлемой культуры потребления традиционных наркосодержащих субстанций, так и стать наркоманом.

Мир вирусов и бактерий постоянно эволюционирует и порождает новые виды, осваивающие обширную и постоянно растущую экологическую нишу, которую составляет популяция *homo sapiens*. Современная наука непрестанно борется с болезнетворными микроорганизмами, а они приспосабливаются к изменяющимся условиям, отвечая на лекарства и лечебные процедуры новыми видами. Это также нормально. Соответственно, эпидемии, периодически прокатывающиеся по земному шару, и новые заболевания (такие как СПИД), во-первых, естественны, а во-вторых, неустранимы.

Человек в принципе не может предвидеть всех последствий (и особенно отдаленных) широкого внедрения тех или иных технологий. Это выясняется только с течением времени. Осознание нежелательных последствий, их устранение или коррекция, приспособление к новой ситуации – рутинный фон существования общества эпохи напряженной технологической динамики. При всех проблемах и дискомфортной неопределенности эта ситуация нормальна и неустранима.

Так, за последние 70 лет человечество столкнулось с проблемой засорения земного шара (как суши, так и мирового океана) неразлагающимся полиэтиленом. По разным оценкам, в природной среде полиэтилен разлагается 150–500 лет. Ежегодно более миллиона птиц и 100 тысяч морских животных ошибочно потребляют полиэтилен в пищу, запутываются в пластиковых отходах, что приводит к их мучительной смерти. Технологического решения названной проблемы пока не найдено.

Однако массовый человек готов смириться с дрейфом континентов, цунами, землетрясениями и драматическими изменениями климата, признав их как нормальные природные процессы. Но нежелательные с точки зрения актуальной культуры проявления человеческой природы признавать отказывается категорически¹⁷.

Следующее измерение нашей темы связано с *лояльностью*. Одно из испытаний, которые жизнь предъявляет человеку, состоит в выборе между верностью истине и собственной идентичностью, солидарностью со «своими» (этнически, идеологически, конфессионально, партийно). Ответы на этот вопрос даются каждым из нас в неисчислимых ситуациях. На наш взгляд, это испытание критериально. Тот, кто избирает верность идентичности – индивид. Тот, кто избирает истину – личность.

Поучительно на развернутом историческом примере рассмотреть, каким образом формируется практика корректировки реальности. Как и почему редактируют истину во имя самых возвышенных соображений: сохранения образа высокого и святого от пошлых, а случается и от страшных, подробностей эмпирической реальности (вспомним диалоги Светланы Алексиевич). Почему массовый человек принимает святочные рассказы и отторгает истину, корректирующую возвышающую ложь. Как, казалось бы, приличные люди берут на душу грех оправдания очевидных негодяев и бесспорных преступлений. В данном случае мы имеем в виду историю христианства.

Здесь требуется вводное разъяснение. Политеистическое сознание толерантно. Язычник исходит из того, что у «нас» есть наши боги. Что же касается других людей, то им покровительствуют и ими управляют другие боги, которые к нам не имеют отношения. Разноплемен-

¹⁷ Философы и богословы выделяют «естественное зло»: болезни, бури, землетрясения – и «нравственное зло», источником которого выступает человек. С первой категорией зла массовый человек готов (хотя и с оговорками) мириться. Вторую отрицает напрочь.

ная толпа в больших городах, смешанные браки и жизнь бок о бок вели к тому, что до эпохи утверждения монотеизма каждый человек мог принимать те или иные верования. Это было его личным делом.

Победа монотеизма диктует совершенно иную картину мира. Если Бог один, то все иные боги суть бесы и демоны, противостоящие настоящему, то есть «нашему» Богу. В Библии поли-теизм номинируется язычеством, понимаемым как *измена* единому Богу. Само существование язычников, поклоняющихся своим ложным богам, есть вызов и оскорбление Творца. Однако еще большим оскорблением Бога является любая ересь как сознательное отклонение от догматов веры. Уровень ожесточения в среде христиан и мусульман (да, впрочем, и ортодоксальных иудеев) по отношению к еретикам существенно превосходит отчуждение и ненависть к язычникам (на это обращал внимание еще Юлиан Отступник).

Возникшее в I веке на территории Палестины как одно из мессианских движений внутри иудаизма, христианство формируется в напряженном конфликте с иудаизмом. После Первой иудейской войны (66–70-е годы) и разрушения Иерусалимского храма пути иудаизма и христианства окончательно разошлись. Центр христианской проповеди переносится в столицу империи – Рим.

Вышедшее за рамки еврейского народа, христианство разворачивает напряженную и в высшей степени драматическую борьбу за души людей. В этой борьбе христианство противостоит сложно-обозримому множеству религиозных культов и, шире, многовековой культуре античного общества. Параллельно молодые христианские общины переживают доктринальное ветвление. Разные учителя по-разному трактуют те или иные аспекты формирующейся доктрины. Причем каждое направление естественно притязает на обладание единственной сакральной истиной. Поскольку истину и жизнь человек может обрести только во Христе (Ин. 14:6), любая альтернатива автоматически обрекает человека на гибель. Так возникает еще один фронт борьбы на уничтожение. Идеологическая борьба внутри христианства, борьба за статус ортодоксии переживает эпоху противостояния язычникам и будет продолжена на всем протяжении истории христианства. Помимо утратившего энергию язычества христианству противостояли жизнеспособные идейные конкуренты. В то же самое время в римском обществе разворачивались еврейский прозелитизм, культ Изида, митраизм.

Религиозные практики и образ жизни христиан несли в себе вызов традиционным устоям. Христиане отказывались отмечать народные праздники, участвовать в мероприятиях императорского культа, публично критиковали древние обычаи. Эсхатологическая устремленность раннего христианства, отторжение античного образа жизни вели к тому, что римляне видели в христианах людей, проникнутых ненавистью к человеческому роду.

Начиная со времени правления императора Домициана (96 год) разворачивается эпоха более или менее систематических гонений. Самым суровым было так называемое Великое гонение (303–313 годы), начавшееся при императоре Диоклетиане и продолжавшееся при его преемниках. Масштаб жертв Великого гонения по сегодняшним меркам скромный. Погибло 3000–3500 человек. Другие подверглись пыткам, были высланы, попали в заключение. В ходе гонений христиан всячески репрессировали. При Нероне вывалянные в смоле и облепленные паклей христиане стали живыми факелами. Христиан отдавали на растерзание львам в цирках. Апостол Петр (да не только он один) распят на кресте головой вниз. Епископ Пергамской церкви Антипа сожжен в медном быке, и так далее.

Гонения и противостояние традиционалистской массы не могли остановить распада античного космоса. Христианская община неумолимо росла. Миланский эдикт императоров Константина и Лициния от 313 года о веротерпимости на территориях Римской империи был важным шагом по пути превращения христианства в официальную религию империи.

Но после эдикта начинается самое интересное. Можно было бы подумать, что с установлением веротерпимости в империи кончается эра идеологического насилия и подавления ина-

комыслия. *Однако не тут-то было.* В борьбе с язычеством Церковь двигалась к победе, про- низывая элиту римского общества. К III–IV векам христианство освоило культуру античности в той мере, которая позволяла найти дорогу к сердцу и разуму интеллектуальной и политиче- ской элиты. *Стратегическая цель*, поставленная лидерами христианской общины, – *неруши- мый союз с государством*. Христианская проповедь проникает на самые верхние этажи рим- ского общества. Борьба за лидирующие позиции в государстве, а значит, борьба с язычеством на уничтожение, разворачивается практически сразу после Миланского эдикта.

Церковь мгновенно отрелась от Тертуллиана, писавшего: «Право естественное, право общечеловеческое требует, чтобы каждому было предоставлено поклоняться тому, кому он хочет. Религия одного не может быть ни вредна, ни полезна для другого...»¹⁸ Миланский епи- скоп Амвросий Медиоланский, духовный наставник императора Феодосия Великого, утвер- ждал: стеснение язычников, результатом которого будет обращение их в христианство, есть триумф Церкви. Такую же позицию поддерживал блаженный Августин. В корпусе христиан- ских текстов зафиксирована куда более радикальная позиция. К примеру, латинский писатель, астролог Фирмик Матерн в апологетическом сочинении *De errore profanarum religionum*, обра- щенном к сыновьям Константина Великого, требовал от императоров уничтожения язычни- ков. Из этих убеждений вытекала соответствующая историческая практика.

Буквально сразу после эдикта начинаются шаги, направленные на ограничения и стесне- ния языческих культов. Церковь разворачивает борьбу с язычниками. Исходящая из общепол- итической логики императорская власть не заинтересована в беспорядках и дестабилизации. Она занимает, скорее, позицию благожелательного нейтралитета по отношению к христианам. Но Церковь, проникшая на высшие этажи власти, давит на императоров, смещая политику в сторону преследования вначале язычников, а затем инаковерующих (еретиков). В этой битве участвуют лидеры христианской общины, их сторонники, сочувствующие, монахи. Чернь, все- гда готовая принять участие в любом погроме и поживиться за счет несчастных, получает идей- ное обоснование бесчинства. Ибо они не просто грабят, убивают и насилуют, а участвуют в великой битве на стороне истинного Бога. Вчера еще правоверные носители античной иден- тичности сначала превращаются в людей второго сорта, а потом – в гонимых.

Приведем всего один пример, связанный с историей святого Кирилла Александрийского (376–444 годы). Кирилл, архиепископ Александрийский, был представителем знаменитой епи- скопской династии, человеком энергичным и амбициозным. Кирилл всеми мерами боролся за религиозно-политическую власть в Александрии, преследуя язычников, иудеев и христиан – противников его епископата, что неоднократно приводило к кровопролитию.

В частности, Кирилл активно боролся с иудейской общиной. По его инициативе иудеи были изгнаны из города, а их имущество конфисковано. Борьба Кирилла с обширной иудей- ской общиной Александрии шла вразрез с политикой римской власти и сделала его врагом префекта Ореста.

Здесь в нашей истории появляется новый персонаж – ученый и философ, язычница Гипа- тия (Ипатия). Преподавала в Александрийской школе философию, математику и астрономию. Гипатия принимала участие в александрийской городской политике, имея влияние на главу города, префекта Ореста.

Кирилл опирался на верных ему боевиков – монахов из Нитрийской пустыни и парабла- нов (христианская община, члены которой добровольно ухаживали за больными и хоронили умерших от болезней в надежде таким образом принять смерть во имя Христа). Противники святого стали утверждать, что Кирилл решил убрать со своего пути самого известного в городе союзника Ореста – Гипатию.

¹⁸ Тертуллиан. Апология. Гл. 28.

По городу пошли разговоры, что именно она выступает против примирения патриарха и префекта. А потом появился новый слух: Гипатия якобы практикует черную магию. Слухи достигли желаемого результата: мартовским днем 415 года толпа парабаланов напала на Гипатию, силой извлекла женщину из повозки и потащила в церковь. Христианский историк Сократ Схоластик так описывает происшедшее: «Когда она возвращалась откуда-то домой, они стащили ее с носилок и привлекли к церкви, называемой Кесарион, потом, обнажив ее, умертвили черепками [разорвали на части], а тело [куски] снесли на место, называемое Кинарон, и там сожгли. Это навлекло немалую хулу не только на Кирилла, но и на Александрийскую церковь [в целом]». То есть убийство Гипатии создало повод для порицания александрийских христиан¹⁹.

Христианские авторы ожидаемо отметаю́т причастность к убийству святого Кирилла, указывая на то, что документальных свидетельств этому не существует. Если учесть, что Кирилл оказался в стане победителей (как тех, кто позже был объявлен еретиками, так и язычников) и канонизирован, искать прямые документальные свидетельства – занятие малоосмысленное. С равным успехом можно было бы искать документальные свидетельства практики концлагерей на страницах *Völkischer Beobachter*. Как справедливо отмечает П.Ф. Преображенский, «христианская церковь чувствовала некоторую неловкость за кровавую расправу с Ипатией. Приходилось тщательно выгораживать Кирилла Александрийского, чтобы снять с этого признанного авторитета клеймо погромщика»²⁰. Будем исходить из презумпции невиновности. При всех обстоятельствах ответственность за это гнусное преступление ложится на христианскую общину города.

История с Гипатией – лишь один из эпизодов широкого процесса.

324 год. Император Константин объявляет христианство единственной официальной религией Римской империи. Разворачивается практика разрушения и ограбления языческих храмов. Статуи и сокровища из разграбленных храмов направляют на украшение новой столицы империи – Константинополя.

Император Констанций (правил в 337–361 годах) разворачивает новые масштабные гонения на язычников. Вводится смертная казнь за все виды «идолопоклонства» и жертвоприношений. Принимается новый эдикт, повелевающий закрыть все языческие святилища. Некоторые из них оскверняются. Проходят первые сожжения хранящих языческую мудрость библиотек в разных городах империи. Запрещаются все виды гаданий и астрология.

Руины языческих храмов используются как каменоломни. Рядом с закрытыми языческими храмами создают предприятия для изготовления извести. Разбитые статуи языческих богов систематически пережигают в известь.

364 год. Император Флавий Клавдий Иовиан правил недолго (363–364 годы), но вошел в историю гонений на язычников. По его приказу сожжена Антиохийская библиотека. Это был языческий храм, выстроенный еще при Адриане, который Юлиан Отступник превратил в библиотеку. Практика принудительного обращения в христианство становится всеобщей, а возвращение христианина к вере отцов с какого-то момента рассматривалось как уголовное преступление.

Разрушение языческих храмов, убийство жрецов, уничтожение памятников превращаются в рутинную примету эпохи. При императоре Валенте (370 год) *языческие книги сжигают на площадях*²¹. Наконец, в 380 году в эдикте императора Флавия Феодосия провозглашается требование: «...все народы, пребывающие под нашим милосердным и умеренным правлением, должны заявить о своей приверженности религии, которая принесена римлянам божествен-

¹⁹ Сократ Схоластик. Церковная История. Кн. VII. Гл. 15. Первое издание «Церковной Истории» опубликовано на греческом языке Робертом Этьеном в Париже в 1544 году.

²⁰ Преображенский П.Ф. Вступление // Кингсли Ч., Маутнер Ф. Ипатия. Харьков: Паритет ЛТД, 1994.

²¹ Так вот где исторические истоки этой практики...

ным апостолом Петром». Нехристиане называются «отвратительными еретиками, глупыми и слепыми». Амвросий Медиоланский приступает к уничтожению всех языческих храмов в подведомственной ему области.

391 год. В Александрии Египетской восставшие язычники заперлись в Серапеуме (храме бога Сераписа, покровителя Александрии), где располагалось отделение Александрийской библиотеки. Ворвавшиеся внутрь христиане разгромили и сожгли библиотеку и надругались над культовыми изображениями.

392 год. Своим указом Феодосий закрыл элевсинское святилище. Христианские священники и монахи направляют толпу против храма Деметры в Элевсине и пытаются линчевать иерофантов Нестория и Приска. Деяностопятилетний иерофант Несторий завершает традицию элевсинских мистерий и объявляет о грядущем впадении человеческого рода в умственную тьму.

В 419 году состоялся поместный Карфагенский собор. Принятое на соборе Правило 69 гласит: «Да будет заповедано: и идолов истребить, и капища их, в селах и в сокровенных местах без всякой благовидности стоящие, всяким образом разрушать». Правило 95: «Заблагорассуждено также просить славнейших царей, да истребляют всяким образом остатки идолопоклонства, не только в изваяниях, но и в каких-либо местах, рощах или деревьях».

Борьба с язычниками идет полным ходом в V и VI веках. В VII веке она несколько затихает, но это связано с изживанием языческой традиции. Языческие практики, тайные жрецы, празднование календ и исполнение ритуалов прослеживаются вплоть до IX века. Но это уже разрозненные остатки целостной традиции, уничтоженной победителями. Жития христианских святых описываемой эпохи, подвизавшихся на ниве христианского просвещения язычников, часто содержат примечательный эпизод – сокрушение языческого идола. Идолы – это кумиры, статуи и другие изображения языческих богов.

Христианские авторы развернуто пересказывают истории гонений на христиан. Что же касается описанных нами событий, они если и излагаются, то сбивчиво и скороговоркой. Эти авторы склонны утверждать, что язычество скончалось, так сказать, «своей смертью». Что не так. Языческое сознание, безусловно, переживало кризис и, в широкой исторической перспективе, было обречено. Но христианство сделало все для того, чтобы ускорить этот процесс и уничтожить язычество²².

Заметим, что в Средние века церковь полагала происходившее в эпоху изживания язычества нормальным и естественным. Однако времена меняются, приходит Возрождение, утверждается новая культурная атмосфера, а затем и Реформация. И подробности торжества истинной веры оказываются не ко двору.

В подобной эволюции нет ничего чрезвычайного. Придя к власти, большевики утверждались за счет в высшей степени энергичных мер. Причем этого никто не скрывал. Был обнародован декрет СНК от 5 сентября 1918 года «О красном терроре». До того, 21 февраля 1918 года, СНК издал декрет «Социалистическое отечество в опасности!», который постановлял, что «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»²³. Вводится институт заложников, которых расстреливают в ответ на происки классового врага. Заложники – зримая примета эпохи. Фиксируя яркую примету революционной поры, пролетарский поэт Владимир Маяковский слагает стихи: «Ветер сдирает списки расстрелянных, Рвет, закручивает и пускает в трубу. Лапа класса лежит на хищнике – Лубянская лапа ЧК». Издавался журнал «Еженедельник ВЧК» и так далее.

²² Подробнее история насильственного уничтожения язычества излагается в монографии: Рассаиас В. «Сокрушите их...». Афины, 2000. URL: <http://www.proshkolu.ru/user/antic/blog/260842/>

²³ Декрет «Социалистическое отечество в опасности!» // Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. I.

Проходят десятилетия, и в отредактированной, казенной версии истории Гражданской войны поминают 26 бакинских комиссаров, расстрелянных в сентябре 1918 года по приказу правительства Туркестана за сдачу Баку турецко-азербайджанским войскам. Поминают Сергея Лазо, по одной из версий, живьем сожженного в конце мая 1920 года казаками-белогвардейцами в паровозной топке. Ни красный террор, ни заложники, ни «концентрационные лагеря» не находят места в истории родной страны.

Расставим точки над *i*. Автор настоящего текста – христианин. Правда, моя церковь не имеет отношения к описанным гонениям и духовно возводит себя к первохристианам. Тем не менее история раннего христианства со всеми ее ужасами и омерзением – реальность. Наш долг – знать ее и нести следующим поколениям. В назидание и поучение. Существуют грустная логика и страшная диалектика всемирно-исторического процесса, в соответствии с которыми по пути от секты к мировой религии христианство становится властным институтом, *проникается злом мира сего*, а далее притязает на абсолютное господство. На том этапе всемирно-исторического процесса христианизация Ойкумены по-другому была невозможна. Потребовались Реформация, войны Контрреформации, буржуазные революции и утверждение секулярного сознания для того, чтобы свобода совести стала безусловной конвенцией в цивилизованном мире.

Святая инквизиция, судьба Джордано Бруно и Яна Гуса, крестовые походы против еретиков более или менее известны широкой публике. Что же касается первых веков утверждения христианства, то этот пласт истории остается в тени.

Суммируя, можно сказать лишь одно. В описанном нами виновато не христианство как доктрина, а человеческая природа носителей, интерпретаторов и практиков этой доктрины, попиравших самую суть и дух учения. Мерзкая природа человека, то самое низменное и паскудное, что есть в каждом и требует постоянной работы духа, следящего за тем, чтобы подавлять эти инстинкты и потенции. Придворные христиане при первых христианских императорах не вынесли одного из самых сложных и страшных испытаний – соблазна безграничной власти. Следовавшие за ними воспринимали репрессии, обращенные на язычников и отколовшихся, как устоявшуюся и самоочевидную традицию и громили без размышлений, опираясь на авторитет сакрализованной иерархии.

Завершая наше исследование, сделаем оговорку: обозначая те или иные механизмы, с помощью которых культура манипулирует человеком, называя некоторые из мифов, показывая примеры идеологий, я лишь *прописываю типологию феноменов, отвечающих за аберрации человеческого сознания*. Развернутый и сколько-нибудь исчерпывающий перечень с подробным анализом природы явления потребовал бы солидной монографии. Предоставим вдумчивому читателю самостоятельно двигаться в глубь обозначенного нами пространства.

К примеру, обращаясь к культуре, я показал устойчивые механизмы манипуляции, заложенные в структуре культуры. Помимо этого, культура по-разному манипулирует человеком на разных этапах своего существования, добиваясь собственного развития и самоосуществления в конкретных условиях. Интересы культуры и человека могут не совпадать в данной исторической ситуации. Однако культура стремится подчинить своих адептов решению необходимых ей задач. Как правило, эти процессы оказываются вне поля зрения исследователей. Единственный известный автору пример – последняя монография Андрея Пелипенко «Контрэволюция» (Пелипенко А.А. Контрэволюция. М.: Изд-во «Знание», 2016).

И, наконец, последний сюжет. Бессмысленно задаваться вопросом, какое из суждений: «мир прекрасен» или «мир ужасен» – ближе к истине. Перед нами классический философский вопрос, на который не может быть единственного и конечного ответа. Поэты, философы и

религиозные авторитеты могут спорить до бесконечности. Между тем в практическом аспекте подавляющее большинство людей выбирают жизнь. А это значит, что жажда жизни и страх смерти – в подлинном смысле решающие аргументы в формировании отношения к жизни большинства *homo sapiens*.

Мощная и самоочевидная человеческая эмоция, которую мы обозначаем как «жажда жизни», присуща всему живому, и безусловно – человеку. С ней сопряжена другая мощнейшая эмоция – страх смерти. Страх смерти имеет множество измерений, осмысливается и переживается по-разному. Но прежде всего в основании этой эмоции лежит биологический ужас и мобилизация всех сил человека в ситуации витальной опасности. Общебиологический смысл данной эмоции очевиден. Страх смерти уберегает живое существо от опасных ситуаций и мобилизует все силы организма в критические моменты. Жажда жизни работает в том же направлении, и в некотором смысле это взаимоперетекающие и неразделимые переживания.

Когда мы обращаемся к биологическим механизмам, детерминирующим общее отношение человека к жизни и миру, в котором живет человек, имеет смысл задаться вопросом: какова судьба живой особи, негативно или хотя бы безразлично относящейся к жизни? По нашему разумению, такие существа обречены вымирать, не оставив потомства. Соответственно, выживают, плодятся и размножаются носители противоположной эмоциональной доминанты. Отбор по описанному нами параметру идет постоянно. Соответственно, закрепляется и утверждается позитивная, мироприемлющая установка.

Гностики называют это узами материи, описывая материю как активную злую силу. Носители самых разнообразных религиозно-философских доктрин по-разному объясняют несовершенство нашего мира и отвечают на вопрос, как человеку жить в этом сложном и трагическом мире.

На наш взгляд, задаваться вопросом «почему мир несовершенен?» – занятие малопродуктивное. Это религиозно-философская проблема, и по существу любой ответ на данный вопрос является предметом веры. Дискуссии здесь малоосмысленны. Что же касается вопроса «как жить в этом сложном и трагическом мире?» – то это ключевая личностная проблема. Ответ на этот вопрос дает каждый из нас. Не имеет значения, рефлексировал ли он названную проблему и размышляет об интересующих нас сущностях или вырабатывает линию жизненного поведения инстинктивно, двигаясь от одной коллизии к другой и нарабатывая некоторую устойчивую колею. В любом случае, человек отвечает на ключевое вопрошание, перед которым ставит его жизнь. Интеллектуальное мужество, с которого мы начинали наше исследование, представляется одним из важнейших оснований человеческой зрелости, необходимым моментом постижения природы этого мира и формирования человеческой позиции. Осмысленной, нравственной, соответствующей зрелой автономной личности.

Природа вещей такова, что дискомфортной, мучительной, беспощадной, раздирающей душу и унижительной истине средний человек предпочитает комфортную ложь. Так устроена человеческая психика, так сконструировано наше сознание и так работает культура, к которой мы принадлежим. Истина одна, а источники иллюзий и искажений неисчислимы: психологические, культурные, идеологические, биологически заданные, социально-манипулятивные... – всех не перечислить. Такова реальность. В этой реальности возможны два вектора, две интенции движения человеческого сознания: по направлению к истине и в противоположную сторону. Сознательно или безотчетно, каждый избирает одну из этих жизненных стратегий.

Если читатель задумается над названной проблематикой и попытается отдать себе отчет в своей диспозиции относительно перечисленных интенций, значит, этот текст был написан не зря.

Опубликовано: журнал «Нева». 2017. № 5. С. 137–162.

Россия, Великая война, Революция

События 1917 года лежат в основании отечественной реальности, сложившейся в XX веке, и сказываются на нашей жизни до сегодняшнего дня. События эти травматичны, обсуждение их рождает ожесточенную полемику и разделяет общество. Как это часто бывает, болезненное и чрезвычайно значимое отодвигается в темный угол и замалчивается. Однако перед нами та историческая реальность, от которой нельзя отмахнуться. Февральская революция, последовавший за этим большевистский переворот, а также Гражданская война, закрепившая результат этого переворота, – фундаментальные события отечественной истории. Наш интеллектуальный и гражданский долг – понимать эти процессы и вырабатывать свое отношение к ним. Сто лет – достаточный срок для того, чтобы отрешиться от мифов, преодолеть мощнейшие идеологические схемы и, по крайней мере, попытаться посмотреть на интересующие нас события беспристрастно, вне партийных позиций и идеологических предпочтений.

Понимание этого феномена, имеющего всемирно-историческое значение, ставит вопросы о природе России, ее месте в мировом целом, позволяет осознать настоящую эпоху и в контексте обсуждения революции представить себе наиболее вероятные перспективы нашего дальнейшего бытия. Никогда с 1917 года и по сей день в нашей стране не было времени, когда об Октябрьском перевороте можно было бы говорить спокойно-отстраненно – так, скажем, как мы можем обсуждать Реформацию или войны диадохов. Прежде всего имеет смысл определиться с понятием «революция». Обсуждение знаковых исторических событий всегда происходит в некотором политическом и идеологическом контексте. Этот контекст задает оценки и интерпретации. В Советском Союзе слово «революция» имело сакральный смысл. Важнейшими вехами европейской истории последних двух веков мыслились буржуазно-демократические революции, которые продвигали мировую историю и готовили «Великую Октябрьскую Социалистическую». Последняя представлялась как ключевое событие, открывшее новую эру в истории человечества. Советский Союз и коммунистический проект вырастали из этого события, в нем правящий режим черпал свою легитимность. Поэтому большевистская революция представала как безусловное благо.

И эту оценку разделяло большинство послевоенного советского общества. Люди старших поколений хорошо помнят духовный климат 1960–70-х. Валентин Катаев, не только признанный патриарх советской литературы, но и любимый писатель городской интеллигенции, в исповедальной прозе, изданной в 1964 году, писал: «Какой бы я ни был, я обязан своей жизнью и своим творчеством Революции. Только Ей одной». В ту пору Катаев мог себе многое позволить. В той же «Траве забвенья» он пишет об «узкобородом палаче в длинной до земли кавалерийской шинели». Мы – читатели, современники выхода повести в свет, хорошо понимали, кого он имел в виду. Для типичного интеллигента-шестидесятника революция относилась к разряду экзистенциально значимых ценностей.

В 90-е годы новых акцентов в трактовке революции как универсального понятия не обнаруживалось. Шли напряженные баталии вокруг трактовки конкретной – большевистской революции. Само понятие «революция» несколько поблекло, поскольку лидеры новой России *не отважились* назвать события августа 1991 года революцией. Перемены наступили в 2000-е. Медленно, но неуклонно на идеологическом горизонте нашего общества прорисовывались контуры классической охранительной идеологии. В этой парадигме революции предстают как чуждое духу народа заемное средство политической борьбы, к которому прибегают «группы интересов» (конечно же, своекорыстных), ведомые внешними силами.

Странно, но никто не говорит о нравственном измерении такой модели трактовки исторических событий. В рамках этих побасенок сотни тысяч и миллионы людей, выходящих на центральные площади своих столиц, трактуются не как граждане, совершившие акт нравствен-

ного и гражданского выбора, но предстают темным и неразумным быдлом, ведомым опытными манипуляторами. С помощью названной объяснительной модели можно легко ранжировать внешнеполитические перемены. Все, что представляется враждебным и не входит в «наши» планы (то есть планы политической элиты и обслуживающих ее идеологов) – не важно, идет ли речь о постсоветском пространстве, бывших «народных демократиях» или об арабском мире, пережившем не так давно собственную «Весну народов», – объявляется происками стратегического противника. Что автоматически снимает любые вопросы об обусловленности происшедшего, о логике исторической эволюции и историческом выборе, который в переломные моменты истории совершают все народы (разнятся лишь формы такого выбора).

Бессмысленно обсуждать, нужна была или не нужна революция где бы то ни было, в том числе и в России в 1917 году. Случайных революций не бывает. Процессы, в которых участвуют статистически значимые массы, в нашем случае миллионы людей, неизбежны и закономерны. Это объективный исторический процесс. При всей трагичности революций они принципиально неустранимы. В революциях находит свое разрешение конфликт между устойчивым структурным началом любого общества и универсальным императивом изменения. Ответственность за революции в большей степени лежит на элитах, которые располагают интеллектуальными и организационными ресурсами для понимания реальности, постижения логики истории и формирования вменяемой политики, но не обнаруживают способности перешагнуть идеологические барьеры и пожертвовать малым, чтобы спасти многое. И в меньшей степени – на широких народных массах, которые однажды отказываются терпеть и сметаю «старый порядок».

Никто не представляет себе отдаленных последствий любой революции, однако во все времена подавляющая масса вовлеченных в революцию людей переживают ее апокалиптически, как конец нестерпимого положения вещей и наступление новой эры. Эры всеобщей справедливости и счастья. Для данной категории Революция – праздник, пространство идеального бытия. Как человек, заставший людей, переживших эту ужасную и прекрасную эпоху, свидетельствую: принявшие сторону революции сохраняли описанное переживание до конца своих дней. Несмотря на все ужасы и разочарования. Истоки такого переживания кроются в базовых основаниях религиозного сознания и даже глубже, в архетипах коллективного ритуального действия.

Теперь имеет смысл остановиться на устоявшемся определении исследуемого явления. «Великая Октябрьская» не была революцией в собственном смысле. Заметим, что большевики первые десять лет события 25 октября 1917 года называли «большевистский переворот». В общем случае под революцией понимают смену политического режима, которая произошла в результате стихийного выступления народных масс. Люди выходят на улицы столицы, армия отказывается стрелять, переходит на сторону восставшего народа, и «старый режим» падает. Если же власть в результате захвата центров управления государством переходит в руки организованной силы, то это – переворот, военный или политический.

Далее любой переворот проходит процедуру верификации. Общество либо принимает результаты переворота, либо отвергает их, и тогда начинается гражданская война или происходит контрпереворот. В нашем случае после разгона Учредительного собрания началась Гражданская война. В том обстоятельстве, что 25 октября 1917 года в Петрограде произошел переворот, нет какого-либо умаления рассматриваемого события. Нет и попытки представить его как нечто внешнее или случайное, поскольку большевистский переворот был подтвержден на всероссийском референдуме под названием Гражданская война. Речь идет о чистоте жанра и корректности использования терминов. Другой вопрос: почему большевизм родился и победил в России? Это серьезная проблема, заслуживающая специального рассмотрения. Нас интересует Февральская революция.

Почему 24–25 февраля 1917 года на улицы Петрограда вышли тысячи людей, а 27-го солдаты учебной команды запасного батальона Волынского полка не только отказались стрелять в народ, но убили штабс-капитана Лушкевича, разобрали винтовки и присоединились к народу? Почему к восставшим последовательно присоединялись другие военные части? Почему офицеры разбегались, а восставшие захватывали тюрьмы и арсеналы? Почему к вечеру 27-го на сторону революции перешло 67 тысяч солдат Петроградского гарнизона?

Носители сословного сознания пребывают в святом убеждении, что народ – подъяремные, «людишки» – в принципе не способен на какие-либо самостоятельные действия и тем более не способен поднять руку на сакральную Власть. Если же такое случилось, надо искать зачинщиков. Тех, кто совратил неразумную чернь.

Отсюда бесконечные рассуждения о кознях думской оппозиции, о либеральном Прогрессивном блоке с его требованием «ответственного министерства», *назначаемого* Думой и *ответственного* перед Думой, которое Николай II отвергал с порога по принципиальным соображениям, блюдя верность идеалу *самодержавья*²⁴.

В этом же ряду скандальное явление под названием «распутинщина». Здесь и вздорные слухи об интимной связи императрицы и Григория Ефимовича, и не менее вздорные измышления об измене этнической немки Александры Федоровны, передающей по телеграфу непосредственно в Берлин все доступные ей государственные тайны.

Называют и «великокняжескую фронду». Под этим понимается оппозиция Николаю II и проводимой им политике со стороны великих князей (их было пятнадцать душ), которые также требовали ответственного министерства и отстранения Распутина.

Наконец, называют заговоры против Николая II, предполагавшие дворцовый переворот или физическое устранение царя. Заговоры действительно готовились. Этим занимались крупные политики, придворные, генералы. Причем Николаю неоднократно сообщали о заговорах. Но ответы его сводились к тому, что «императрица и я знаем, что мы в руке Божией. Да будет воля его!». Однако заговорщики опоздали. Революция случилась раньше.

В этом самое интересное и самое важное. Заговоры и попытки устранения власти, ведущей страну к катастрофе, неизбежны, но, как правило, безуспешны. Вспомним заговор 20 июля 1944 года в Германии. Дело в том, что элита, тем более в сословном обществе, владеет информацией и исходно умеет думать. Способность к анализу и навыки аналитической работы – профессиональная характеристика политической элиты. Дальновидные люди если и не понимают до конца, то чувствуют, что ситуация становится критической и страна заходит в тупик. В такой трагической ситуации вменяемые представители политического класса ищут способ устранения невменяемых правителей. Иными словами, все перечисленные выше предреволюционные процессы и политические комбинации элиты были *следствием* исторического тупика, а не *причиной*, породившей Февраль.

Обращаясь к теме истоков мировой войны, советские и постсоветские авторы развернуто и обстоятельно пишут о гегемонистских устремлениях кайзеровской Германии, о раздиравших европейский континент межимпериалистических противоречиях, о жестком соперничестве Англии и Германии. Для полноты картины не хватает одной темы – борьбы России за доминирование в Европе, что в ту пору означало мировое господство. Между тем с начала XIX века Российская империя последовательно движется к этой цели. Причем данная цель осознавалась со второй половины XVIII века. Слова главы екатерининского внешнеполитического ведомства канцлера Безбородко: «Не знаю, батенька, как при вас будет, а при нас ни одна пушка без нашего ведома в Европе не стреляет» – красноречивы. В ту пору таких устремлений не стеснялись и вещи называли своими именами.

²⁴ На «ответственное министерство» Николай сподобился 1 марта, когда все сроки прошли и надо было подписывать манифест об отречении.

Понятно, что полувековая традиция идеологического прикрытия борьбы за мировое господство лозунгами «борьбы за мир» (1946–1988) сделало обозначенную нами тему неприличной и закрытой к обсуждению, но, если мы хотим понимать реальность, надо привыкать к обсуждению закрытых тем. Начнем с того, что эта борьба опирается на огромную идеологическую традицию. Тезис «Москва – третий Рим», традиционно приписываемый иноку Филофею (1465–1542), утверждал Россию как мистический центр христианской ойкумены. Петр I начинает активную внешнеполитическую деятельность с Великого посольства в Европу (1697). Стратегическая цель – заключение союза против Османов. Идея состояла в том, чтобы совместными усилиями христианских народов изгнать турок в Азию. Иными словами, водрузить крест на Святую Софию. Европейская реальность перечеркнула планы молодого царя и задала другие ориентиры. Победила Realpolitik, но Константинополь как метастратегическая цель остался. Далее следует «греческий проект» Екатерины II, предполагавший сокрушение Османской империи и раздел ее территории между Россией, Священной Римской империей и Венецианской республикой. Проект был похоронен европейскими державами, опасавшимися нарушения «баланса сил».

XIX век привнес в описываемый нами тренд свою специфику. С одной стороны, оставался лозунг «Крест на Святую Софию». Идея Креста на Святую Софию вдохновляла верно-подданных на протяжении всей Великой войны. С другой – появляется новый аспект, новое измерение российского движения к доминированию – панславизм.

Идеология панславизма формируется в среде славянских народов в первой половине XIX века. Панславизм (так же как пангерманизм и позднее пантюркизм) возникает в эпоху заката традиционных империй, когда наступает секулярное сознание и на смену конфессионально-идеологической идентичности (католик, протестант, советский человек) приходит идентичность национальная. В стратегическом плане панславизм противостоял любой империи, поскольку фиксировал наступление эпохи национальных государств, идущих на смену империям. Однако российские славянофилы с энтузиазмом подхватили эти идеи, видя в них ресурс борьбы за доминирование. Они выступили с концепцией противопоставления славянского православного мира с Россией во главе «больной», утратившей веру Европе. Иными словами, в простоте душевной полагали в «братьях славянах» своих союзников.

Расчет был очень простым. Славяне жили на территориях Османской и Австро-Венгерской империй. Если разгромить эти государства и объединить всех славян под эгидой России, то, во-первых, Россия продвинется в центр Европы и, во-вторых, Российская империя окажется безусловно доминирующей силой на континенте. Две трети этих славян были католиками. В этом отношении опыт владения Польшей, да и Прибалтикой, не давал оснований для оптимизма. С другой стороны, православные Сербия, Болгария жили своей жизнью, рассчитывая, в случае чего, на российскую поддержку, ничем за это не платя. Воевали между собой, сдавали Россию. Болгария и Сербия – каждая из них подумывала о собственной империи и никак не спешила под высокую руку России. Но идея была превыше.

С самого начала панславизм осознавался как идеология имперского могущества. В стратегическом отношении панславизм был химерой. Наиболее модернизированные славянские народы принадлежали к западноевропейской цивилизации. Бесперспективность панславизма понимали даже трезвомыслящие правые мыслители. Константин Леонтьев указывал на то, что зараженные европейским духом западные славяне бесполезны в деле противостояния Европе. Однако мифологическому сознанию свойственно видеть не то, что есть, а то, что хочется. Идеи панславизма охватывали широкие слои образованного общества: создавались славянские комитеты, проводились съезды.

Панславизм с необходимостью толкал Россию к военному противостоянию с Османской, Австро-Венгерской и Германской империями. Очевидным было и то, что России придется иметь дело с коалицией названных государств. Если Османская империя, что называется,

дышала на ладан, то Австро-Венгрия не уступала России, а Германия – превосходила. Учитывая внутренние проблемы России, степень готовности страны к большой войне, борьба с такой коалицией ничего, кроме катастрофы, не предвещала.

Более ста лет на вопрос о том, кто развязал Первую мировую войну, даются разные ответы. На наш взгляд, чтобы получить достоверный ответ, необходимо задаться классическим вопросом: кому это выгодно? К началу XX века большая часть славян жила на территории Австро-Венгрии. Османская империя практически была выдавлена из Европы. С точки зрения имперских притязаний любых панславистских сил распад Австро-Венгрии был приоритетной задачей. Кризис «лоскутной империи» осознавали не только внутренние и внешние враги Австро-Венгрии, но и вмняемая часть политической элиты страны, которая искала пути разрешения этого кризиса. Предыдущий кризис удалось разрешить переходом в 1867 году от Австрийской империи к дуалистической модели – Австро-Венгрии. Планы наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Фердинанда трансформировать дуалистическую монархию в триалистическую федерацию – Соединенные Штаты Великой Австрии, планировавшийся эрцгерцогом символический акт коронации в Вене, Будапеште и Праге – ставили крест на планах Великой Сербии и планах славянской федерации во главе с Россией. В этих двух центрах, располагающих волей, ресурсами и влиянием, имеет смысл искать силы, стоявшие за Гаврилой Принципом.

Надо сказать, что поведение Николая II в дни, предшествовавшие вступлению России в войну (мы имеем в виду публикацию указа о мобилизации российской армии, каковой делал разворачивание военных действий неизбежным), дает веские основания полагать, что участие российских сил в создании *casus belli* происходило за спиной царя. Николая Александровича поставили перед фактом. Как пишет Александр Янов, «опьяненная племенным мифом и маячившим перед нею видением Царьграда, втянула российская элита страну в ненужную и непосильную для нее войну...»²⁵.

На чем базировались расчеты российских стратегов? Россия традиционно располагала двумя ключевыми ресурсами: необозримой территорией и крупнейшим на Европейском континенте населением. На пике своего могущества Российская империя занимала одну шестую часть мировой суши. Перед Первой мировой на территории собственно России проживало 89,9 миллиона человек (для сравнения: в Англии – 43 миллиона, Германии – около 67 миллионов). В армию было призвано 15,8 миллиона человек. Эти ресурсы позволяли рассчитывать на победу в войнах на истощение. Заметим, что противники России также осознавали данное преимущество и планировали стремительные военные операции, понимая, что в длительной войне с Россией не справиться.

История подтверждала расчеты российских правителей, однако не всегда. Если в Северной войне (1700–1721) и Отечественной войне 1812 года Россия победила, то в Ливонской войне (1558–1583), а это была классическая война на истощение, Московское царство потерпело поражение. Причем поражение такого масштаба, что отдаленным последствием проигранной войны стали эпоха Смуты и распад государства, которое пришлось восстанавливать большой кровью. Первая мировая стала *проигранной* войной на истощение. Политическая элита страны в принципе не рассматривала такого сценария, и в этом свидетельство ее исторической несостоятельности.

А между тем для такого сценария были достаточные основания. Всего семь лет назад Россия вышла из революции, которая началась после проигранной Русско-японской войны. Проигранные войны часто заканчиваются революциями и падением правящих режимов. В ту пору самым свежим примером этому служила Парижская коммуна (18 марта – 28 мая 1871 года), которая стала следствием поражения Франции во Франко-прусской войне. В самой Рос-

²⁵ Янов А.Л. Русская идея. От Николая I до Путина. 1825–1917. М.: Новый хронограф, 2014. Кн. 1. С. 176.

сии во время больших войн начинались восстания и разворачивались крестьянские войны. Так, во время Северной войны полыхнуло казацкое восстание под руководством Кондратия Булавина (1707–1708), охватившее значительную территорию страны. Пугачевщина, или Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева, которая вылилась в полномасштабную войну казаков, народов Урала и Поволжья с правительством (1773–1775), падает на очередную Русско-турецкую войну 1768–1774 годов, затяжную и кровавую.

Российским правителям эти соображения не приходили в голову. А, например, Ленин прекрасно понимал логику истории и строил на поражении империи в войне политический расчет. Отсюда – пораженчество большевиков, рассматривавших поражение России в Первой мировой войне как политическую необходимость и условие «превращения войны империалистической в войну гражданскую».

Дело в том, что в России бок о бок жили два народа, один – так называемое образованное общество, другой – простонародье: крестьяне, бедные мещане, рабочие. Хорошо, если первый к началу войны насчитывал 10 % населения. Все остальные принадлежали к традиционалистским массам. Эти социально-культурные группы отличались разительно: ментальностью, образом жизни, традициями, картиной мира и так далее, и так далее. Верхушка российского общества относилась к «холопам» с презрением, интеллигенция – сочувствовала и идеализировала, но и те и другие не понимали, поскольку между двумя русскими народами пролегла стадия исторического развития. Они принадлежали разным мирам и разным эпохам.

Названные народы кардинально отличались своим отношением к Великой войне. Безграмотные крестьяне, в простоте душевной полагавшие, что упоминавшийся в церковных службах «Царьград» означает весенний град, который побивает всходы на полях, для которых слова «Австрия», «Сербия» или «эрцгерцог Фердинанд» говорили столько же, сколько китайские иероглифы, в принципе не могли постигнуть смысл происходящего. Народ был готов встать на защиту родины от супостата. Готов наказать гонористых полячишек. Но почему надо было вырывать из привычной жизни и гнать на войну большую часть мужиков призывного возраста ради неведомых «братьев славян», не постигал.

Как известно, едва ли не во всех странах-участницах начало войны встретили с воодушевлением и считали, что она скоро закончится. Этому есть объяснения. Великая война была первой большой войной XX века. Экономика и технологии индустриальной эпохи задавали совершенно иной, непривычный рисунок тотальной войны на истощение. С многомиллионными армиями, сплошной линией фронта, пулеметами, танками, авиацией. В России начало войны разворачивалось на фоне всплеска энтузиазма и верноподданнических демонстраций. На второй день после объявления войны толпа манифестантов на радостях разгромила и подожгла германское посольство в Петербурге.

Но к народным массам описанная истерия не имела никакого отношения. За время войны Россия потеряла 1,7 миллиона убитыми и умершими от ран, 2,5 миллиона попали в плен. И это были те последствия, которые видели и понимали самые простые люди. Умозрительно крестьянин не имел ничего против имперского величия России. Но, когда во имя этого величия стали подгребать всех мужиков в деревне и пошли похорожки, настроения менялись. Как указывает упоминавшийся выше Янов, «к концу мая уже два миллиона солдат дезертировали из действующей армии»²⁶. А далее годами «по всей стране деревенские общины укрывают сотни тысяч дезертиров и трусами их не считают»²⁷.

Здесь надо сказать и о неписаном общественном договоре, который веками существовал в России. В нашей стране крестьянская община традиционно страдала от малоземелья. Многодетная традиционная семья сталкивалась с тем, что ртов и рабочих рук становилось больше,

²⁶ Издание «История гражданской войны в СССР» приводит цифру в 1,5 миллиона.

²⁷ Янов А.Л. Русская идея... С. 175–183.

а земельный надел оставался прежним. Из этой ситуации существовало два выхода: освоение новых, прогрессивных технологий либо расширение земельного надела. Первый отвергался традиционным крестьянским сознанием, исходившим из того, что «отцы наши не глупее нас были». Второй решался на путях переселения на свободные земли либо через вождельный крестьянами «черный передел». Крестьяне исходили из того, что царь воюет басурман и приращивает землю. Мы платим за это рекрутчиной, но получаем земли, на которые можно расселяться (Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток).

Война *должна быть осмысленной*, то есть такой, в результате которой крестьянин *увеличит земельный надел*. Вскоре люди осознали, что Великая война никакой земли не обещает. Русский народ не просто отказывался вести войну на истощение во имя барских фетишей. Постепенно укреплялось убеждение: если государство забрало жизнь и здоровье массы людей, то «по справедливости» оно должно расплатиться государственной и помещичьей землей. Жизнь ставила на повестку дня безотлагательное проведение земельной реформы, но к этому правящее сословие царской России было категорически не готово.

Вернемся к событию Революции.

В стране, проигрывающей войну на истощение, исключительно важно уловить приближение критического *момента надлома* общественного сознания. Когда надежды на скорую победу давно развеяны, напряжение осознается как непосильное, но главное – света в конце туннеля не просматривается и формируется ощущение безнадежности – происходит надлом.

К февралю 1917-го ситуация обострилась предельно. Помимо неисчислимы́х жертв на фронте – наводнившая центр страны лавина беженцев, развал транспорта, трудности со снабжением, рост цен. В июле 1916 года началось Восстание среднеазиатских народов Российской империи, которое охватило территорию с десятиллионным населением. Последние очаги сопротивления были подавлены армией лишь в январе 1917 года. С октября 1916 года на фронте возникает *практика братания с неприятелем*, которая к январю 1917-го стала обычным явлением. Братание с неприятелем – зримая примета разложения главной опоры режима, российской армии. «Нижние чины» еще не поднимали руки на офицеров, но уже отказывались от безусловного послушания.

В этих обстоятельствах кроются причины и активности Прогрессивного блока IV Государственной думы, и «великокняжеской фронды», и заговоров против Николая II. Относительно феномена «распутинщины» и скандального ореола старца стоит сказать особо. Дело в том, что выходец из народной среды, Распутин был гораздо более вменяемым человеком, нежели придворные круги и российское образованное общество. В 1916 году он решительно высказывался в пользу выхода России из войны, заключения мира с Германией (в тот момент Германия предлагала России заключить сепаратный мир), отказа от прав на Польшу и Прибалтику, а также против русско-британского альянса²⁸. Убийство Распутина в декабре 1916 года в значительной мере определялось тем, что в нем видели близкого к трону сторонника сепаратного мира. Политическая элита царской России последовательно шла к самоубийству.

Февральская революция начинается с забастовок и массовых демонстраций, но эти эксцессы происходили и раньше. Армия и казаки разгоняли демонстрантов. Ключевой момент революции – переход армии на сторону восставшего народа – настал 27 февраля. Зажившиеся империи распадаются практически мгновенно по той причине, что в сознании элиты идея о крахе и распаде империи отсутствует даже как теоретическая конструкция. Элита оказывается ни организационно, ни экзистенциально не готова предвидеть события и выработать адекватную стратегию.

²⁸ Подробнее, например, см.: Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М.: Яуза, 2005.

В высшей степени интересны мемуары монархистов, описывающие события Февральской революции. Их объединяет ненависть по отношению к солдатской и мещанской массе, посмевавшейся десятками тысяч человек выйти на улицы²⁹. Оказывается, когда случается такое, власть буквально испаряется. Быдло должно стоять в стойле! Элита настолько долго уговаривала себя, что русский мужик – монархист и чужд любых революций, что искренне поверила в это. Русская аристократия оказалась фундаментально не готова к мысли, что самый простой человек *свободен выбирать* между верноподданнической лояльностью и революцией.

Революция – особенный, экстраординарный праздник. Начало новой жизни, которая, конечно же, будет совсем другой. По свидетельствам современников, Петроград превратился в нескончаемый митинг. Люди спешат выговориться, пережить волшебное чувство единения с тысячами соотечественников. Пережить чудесную трансформацию из безгласного подданного в гражданина демократической республики. Но праздник не может длиться вечно. Очарование событием революции постепенно сходит на нет. Царизм пал, а проблемы остались. Проблемы эти вытекали из фундаментальных различий в природе двух народов. Народные массы и Временное правительство (то есть альтернативная придворно-монархическому сегменту «образованного общества» буржуазно-демократическая элита) по-разному видели перспективы, очередность тех или других перемен, цели и задачи государства.

Параллельно Временному правительству в столице самообразовался «Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов». Советская историография называет совет «органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, опиравшимся на вооруженную силу – рабочую милицию и регулярные запасные полки Петроградского военного округа». 14 марта Петросовет издал знаменитый Приказ № 1. Приказ был адресован столичному гарнизону, всем солдатам и матросам. В приказе предписывалось: немедленно создать выборные комитеты из представителей нижних чинов во всех воинских частях. В политических выступлениях воинские части подчинялись не офицерам, а своим выборным комитетам и Совету. Все оружие передается в распоряжение и под контроль солдатских комитетов. Приказом вводилось равенство прав «нижних чинов» с остальными гражданами в политической, общегражданской и частной жизни, отменялось «восхваление чинов» (Ваше благородие, Ваше превосходительство). Солдатская масса приняла Приказ № 1 с восхищением, образованное общество – с негодованием. Это был конец. Понятно, что армия в принципе не может существовать без единоначалия. Однако Совет не ставил целей сохранения армии. Его цель – похоронить «старый мир», разрушив главную опору режима.

Для сохранения власти и самого государства правительство должно было в срочном порядке:

- *закончить войну*. С точки зрения широких народных масс за революцией должно следовать как можно более скорое завершение войны. В практическом плане это означало подписание сепаратного мира с Германией и Австро-Венгрией. К этому Временное правительство было категорически не готово;
- *отменить сословия*. Сословия – базовый атрибут феодального общества. Ликвидация сословного строя и сословного неравенства – обязательный момент революционного перехода к правовой демократии. Верность принципам бессословного общества была продекларирована Временным правительством (Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 года), однако законодательное закрепление этого документа оставлено на усмотрение Учредительного собрания;

²⁹ «Хоть минутку покоя, пока их нет... ..Кого? Революционного сброда, то есть я хотел сказать – народа... Да, его величества народа... О, как я его ненавижу!...» [Шульгин В.В. Дни: Предпоследние дни конституции // Февральская революция. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 102. (Серия «Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев»)].

- *провести земельную реформу*. Проблема земли была самой острой. Резкий демографический рост обострял «земельный вопрос». Ключевым являлся вопрос о собственности на землю. Крестьяне ожидали ликвидации как помещичьего, так и крестьянского частного землевладения и передачи всех земель в собственность крестьянских общин для регулярных уравнительных переделов земельного надела. То есть уничтожения института частной собственности на землю. Отсюда требования запрета купли-продажи земли. Эсеры называли это «социализацией земли». Историки указывают на то, что начиная с 15 марта в МВД стали регулярно приходить известия о захватах пахотных земель, лесных порубках и разграблении имений³⁰. Крестьяне массово захватывали помещичьи земли, расторгали договоры аренды.

Физических сил на то, чтобы противостоять захватам земли и разграблению имений, у Временного правительства не было. А ресурсов интеллектуального мужества на то, чтобы признать непреодолимую реальность, возглавить ее и ввести в разумные рамки вменяемой земельной реформы (например, по модели, предложенной в 1906 году «главноуправляющим землеустройством и земледелием в Совете министров» Н. Н. Кутлером), также не было³¹. Временное правительство поставило этот вопрос на бесконечное обсуждение и, в конце концов, оставило на рассмотрение Учредительному собранию;

- *похоронить принцип «единой, великой и неделимой России»*, то есть признать, или хотя бы допустить теоретически, возможность распада империи. Этот лозунг формировался в противовес большевистскому принципу «права наций на самоопределение» (статья В.И. Ленина «О праве наций на самоопределение» написана и опубликована в 1914 году). Временное правительство оказалось неспособным осознать неизбежность распада империй как итога Первой мировой. Позже принцип «единой и неделимой» переходит к белому движению. Сохранение империи как высшей ценности стало основополагающей установкой движения. Верность этой установке явилась одной из существенных составляющих поражения белых в Гражданской войне.

Посмотрим на главных врагов и идеологических оппонентов Временного правительства – большевиков. Как отвечали на эти вопросы они? «Ликвидация сословий»; «Мир без аннексий и контрибуций»; «Право наций на самоопределение»; «Земля – крестьянам». Эти лозунги строго соответствовали ожиданиям и упованиям народных масс.

Как с точки зрения зрелого правового сознания, так и с точки зрения верности принципам демократии передача решения ключевых проблем Учредительному собранию – безупречное решение. Но русский мужик был чужд всех этих материй. И земля, и мир были нужны ему здесь и сейчас, а в откладывании судьбоносных решений на волю Учредительного собрания видел барскую волокиту с целью замотать дело и обмануть.

Другое дело, что большевики не собирались выполнять ключевые пункты своей программы. Сословия действительно были ликвидированы, но де-факто возродились и стали важным структурообразующим элементом советского общества. Заметим, что Перестройка происходила под лозунгами ликвидации привилегий, то есть фактически шла борьба с сословным неравенством. Однако к началу 2000-х новое российское общество так же сословно, как и сто лет назад.

«Мир без аннексий и контрибуций» вылился в чудовищную Гражданскую войну, массовый голод и перманентные войны по периметру страны на всем протяжении истории СССР.

Практически империя распалась к зиме 1918 года. Российская Красная армия последовательно завоевывала территории, отошедшие от империи. Право наций на самоопределение вылилось в признание независимости Польши, Финляндии и стран Балтии, прихватить кото-

³⁰ Рогожникова Н.Е. Временное правительство и крестьянство: противоположные подходы к решению аграрного вопроса. Самара: Изд-во Самарского экономического института, 2007.

³¹ Проект реформы Кутлера предполагал раздачу половины помещичьего земельного надела в частную собственность крестьянам. Проект был отвергнут, чиновник – уволен.

рые не было сил. Позднее все эти государства (за вычетом Финляндии, выстоявшей в отдельной войне 1939–1940 годов) были аннексированы или стали сателлитами.

Лозунг «Земля – крестьянам» был реализован сразу после захвата власти декретом от 12 ноября 1917 года. Однако это судьбоносное решение вылилось в продразверстку, голод, подавление крестьянских восстаний и, наконец, коллективизацию, которую в народе именовали «Вторым крепостным правом (большевиков)». Дело-то в том, что крестьяне «гимназиев» не кончали, природы государства не постигали, законов экономики не понимали и свято верили тому, что соответствовало их ожиданиям. Большевики чувствовали и понимали народ, к которому апеллировали.

Последний важный исторический сюжет: июньское наступление 1917 года. Последнее наступление русских войск в Первой мировой войне было безупречно спланировано и организовано, но провалилось из-за общего хаоса и разложения войск. Как указывал Троцкий, «Наступление 18 июня было организовано Керенским под явным давлением Антанты, которая была заинтересована в том, чтобы немецкие войска были отвлечены на Восточный фронт»³². Правительство руководствовалось долгом перед союзниками. В первом томе «Истории гражданской войны в СССР» приводится фотография выступления французского министра вооружений Альбера Тома, агитировавшего солдат на фронте за наступление.

Понятно, что наступление соответствовало национальным интересам наших союзников, прежде всего Франции и Англии. Но соответствовало ли оно национальным интересам России? Миллионы одетых в шинели крестьян отвечали на этот вопрос отрицательно. С вступлением в войну США в апреле 1917 года крах государств Тройственного союза стал вопросом не слишком долгого времени. Российская элита категорически отказывалась уступить свое место за пиршественным столом победителей, на котором будет вершиться раздел территорий и имущества побежденных. И потом, нам необходимы Царьград и проливы. А думать надо было совсем о другом. Соображения о том, что страну захватывает варварская стихия и с минуты на минуту Россия может провалиться в пучину хаоса, не посещали сознание политической элиты новой, демократической России. Большевики же провозгласили лозунг «Мир без аннексий и контрибуций». И это было именно то, что требовал народ.

Как эта ситуация переживалась на уровне отдельного солдата на фронте? Правительство требует идти в наступление, а из деревни шлют письма, в которых пишут о разделе помещичьих земель. Этот конфликт стал мощнейшим фактором развала армии. Наступление захлебнулось, разлагающаяся армия оказалась не способна к активным боевым действиям. После провала наступления армия самоликвидировалась. Не было силы, способной остановить тысячи людей, прошедших школу войны, с винтовками в руках захватывавших поезда и спешивших домой. Вчерашние солдаты спешили делить землю. Красные и белые создавали свои армии на голом месте.

Большевистская пропаганда фиксировала все ошибки Временного правительства. Доходчиво, на пальцах объясняла собственную позицию и внедряла в сознание аудитории свою версию объяснения политики «министров-капиталистов». Правовая демократия фатально проигрывала битву за души простых людей. Народные симпатии повернулись к большевикам. Если в первые дни революции десятки тысяч людей шли к Таврическому дворцу засвидетельствовать свою верность новому демократическому правительству России, то в октябре правительство оказалось один на один с большевиками.

Последний звонок прозвучал в октябре. Военный министр Временного правительства Александр Верховский выступил за заключение сепаратного мира с Германией. Он говорил о том, что это «даст возможность, опираясь на наиболее целые части, силой подавить анархию на

³² Троцкий Л. Историческое подготвление Октября. От Февраля до Октября // Троцкий Л.Д. Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1924. Т. 3. Ч. I. С. 130.

фронте и в тылу», однако не нашел понимания и на следующий день подал рапорт об отставке. Через шесть дней большевики захватили власть. История предоставила буржуазно-демократическим силам России шанс реализовать собственную альтернативу «старому режиму». Шанс этот был упущен.

Мы будем снова и снова обращаться к истории той величественной и трагической эпохи. Осмысливать ее итоги и постигать те смыслы, которые можно извлечь из анализа событий, происходивших в 1917 году с Россией.

Опубликовано: журнал «Знание – сила». 2017. № 10. С. 58–60; № 11. С. 26–30.

Россия и собственность

Обращающийся к проблеме собственности в нашей стране обнаруживает, что тема эта не относится к глубоко разработанным и пользующимся повышенным интересом. Юристы, историки, экономисты пишут о собственности, однако дискурс собственности не лежит в зоне остро востребованного, не рождает горячего интереса. Возникает такое ощущение, что относительно собственности существует общая конвенция, сформирован вердикт, выводящий собственность из пространства «настоящих», достойных ценностей и реалий российской жизни. Вот что пишет по этому поводу американский историк, специалист по истории России и СССР Ричард Пайпс: «Одной из главных тем западной политической теории на протяжении последних 2500 лет был спор по поводу достоинств и недостатков частной собственности, в России же эта тема едва затрагивается ввиду единодушного, по существу, мнения, что речь идет о безусловном зле»³³.

В глубине души всякий нормальный россиянин убежден в том, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным, и рад любому приумножению собственного достатка. В то же время его личное отношение к материальному благополучию, богатству афишируется редко и неохотно: приверженность собственности неприлична, как неприлично рукоблудство, в котором не пристало признаваться вслух. Та культура, к которой принадлежит наш соотечественник, трактует обладание собственностью как некую дань человеческому несовершенству, как «попущение господне», в котором стыдно признаваться. А потому «хорошо и правильно» декларировать уверенность в том, что в некой эсхатологической перспективе собственность сгинет и настанет другая, настоящая жизнь. Что многими с готовностью исполняется. Однако в условиях реальности взыскания традиционной для россиянина культуры все чаще трансформируются в следующее: «Деньги, конечно же, зло, и в некоторой перспективе они сгинут, но хотелось бы, чтобы у меня их было побольше». При этом зачастую человек чувствует себя весьма некомфортно. Почему? Попробуем разобраться.

Вспомним яркий и колоритный феномен нашей недавней истории – «новых русских». Их отличали два признака: демонстративно престижное потребление и презрение к «совку». Демонстративное потребление в СССР было занятием опасным. С годами энергия борьбы с «ловкачами» и «делягами» иссякла, и можно было позволить себе многое. Однако существовала мощная инерция, заставлявшая состоятельных людей быть осторожными. И рядом с нею – вечный низовой протест против социального расслоения. Ненависть к «богатеям», посмеявшимся зримо попать стандарт всеобщей бедности либо скромного достатка, не выделяющегося скандально из общего фона. «Новые русские» поправили эту великую конвенцию. Трагедия состояла в том, что маленькому человеку некуда стало податься: в новой ситуации сигналы в «инстанции» были бесполезны. Ловчилы прорвались к власти, и простому советскому человеку оставалось ненавидеть и призывать кару небесную на их головы.

Демонстративное потребление и презрение к «совку» лежали в общем тренде – в отказе и дистанцировании от возведенной в безусловную добродетель скромной бедности. С первых дней существования «новые русские» оказались в среде, отторгавшей их самих, их образ жизни, их культуру. Лишавшей их существование нравственного оправдания и смысла. Важно осознать, что причины этого отторжения не исчерпываются семьюдесятью годами советской власти и усилиями Агитпропа. Советский обыватель знал, что уровень жизни статусных писателей и композиторов несопоставим с их собственным. Но это – «уважаемые люди». В переводе на русский язык, образ жизни последних был санкционирован сакральной властью, кроме

³³ Пайпс Р. Собственность и свобода. Серия «Библиотека МШПИ». М.: Московская школа политических исследований, 2000. Вып. № 20. С. 1–2.

того, благоденствующих творцов было не так много. Их существование свидетельствовало о *прикосновенности к сакральной власти*. А тут... миллионеры, выросшие на соседней улице, из вчерашней шантрапы. В этом было скандальное попрание вечных законов бытия традиционного *сословного* общества. Отсюда – замыкание слоя «новых русских» и их дистанцирование от массы советских традиционалистов.

По всему этому проблема собственности на наших просторах разработана минимально. Помимо позавчерашних марксистских штудий о возникновении частной собственности можно упомянуть несколько монографий и ряд статей, которые затрагивают разные аспекты проблемного поля³⁴. Автора интересует по преимуществу культурологический срез проблемы. Не при-
тязая на полную разработку, я попытаюсь осветить ее с позиции культуролога.

Отношения собственности фиксируют важнейший аспект отношений человека с миром идей, предметов или ресурсов. Эти отношения восходят к бытию до антропогенеза, коренятся в психологии млекопитающих (охраняющих свою территорию, свою самку, своих детенышей) и проходят через всю историю человечества. Отношения собственности развиваются, дифференцируются и переживают эволюцию. Уже у стадных млекопитающих мы находим территорию стаи, которую охраняет вся стая, и территорию семьи, которую охраняет самец.

Отдыхающий лев-самец, глава семьи, периодически издает специфическое низкочастотное рычание. Оно не слишком громкое, но очень убедительное. Это оповещение: всякий, кто приблизится на расстояние менее ста метров, будет иметь дело со мной.

Человеческие сообщества также закрепляют за собою территории и зорко наблюдают за тем, чтобы на эти территории никто не покушался. Ритуальные драки парней на меже, случавшиеся еще в середине прошлого века, восходят к древнейшим конфликтам за пажити, покосы, рыбные ловли и другие места хозяйственного использования, а также «за наших девок», которые рассматриваются как собственность соседской общины. В ходе исторической эволюции человек разворачивает безграничное предметное пространство, с которым естественно вступает в отношения собственности, как коллективной, так семейной и индивидуальной.

Историки и антропологи работают с понятием «досовременные общества». Это могли быть общества охотников и собирателей, сообщества скотоводов и земледельцев, неиндустриальные цивилизации или традиционные государства. Здесь распоряжение теми или иными вещами и ресурсами происходит в рамках альтернативной товарно-денежным отношениям системы социальных взаимодействий (по преимуществу распределительной, отношений дарообмена) и альтернативно осмысливается. В таких сообществах могут бытовать деньги, необходимые для коммуникации с властью, для закупок того немногого, что нельзя получить в рамках натурального хозяйства. Однако рынок и товарно-денежные отношения выступают факультативным элементом поздних досовременных обществ.

Важно осознать, что в этих обществах нет ни собственности, ни денег в том смысле, который мы вкладываем в данные понятия. Ориентированные на традицию антропологи «критикуют разрушительную роль денег по отношению к традиционным культурам и социальным структурам»³⁵. При этом антропологи фиксируют, что в современных обществах встречается досовременное отношение к деньгам.

Традиционное российское общество – досовременное. Деньги – атрибут города, государства, господ и торговцев. Обратимся к работам антропологов, исследовавших культуру самого мощного слоя дореволюционного российского общества – традиционного крестьянства. «Деньги чужды фольклорному герою, они противостоят не только крестьянскому обиходу, но и всей сфере обыденной и нормативной повседневности. Фольклорные “места денег”:

³⁴ Бетелл Т. Собственность и процветание. Серия «История». М.: ИРИСЭН, 2008; Пайпс Р. Указ. соч.; Фетиш и табу: Антропология денег в России: Сб. науч. ст. / сост. А.С. Архипова, Я. Фрухтманн. М.: ОГИ, 2013; СПб.: СП Ганза, 1993. Исулов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII–XX вв.).

³⁵ Архипова А., Фрухтманн Я. Вокруг денег: От фетиша до табу // Фетиш и табу: Антропология денег в России. С. 18.

город, дорога (традиционное место грабежа и разбоя) или царский двор – это места, где фольклорному герою грозит столкновение с экстраординарными, а не нормативными ситуациями»³⁶. Далее: «Важнейшим инструментом ведения хозяйства и поддержания жизнедеятельности “предпринимательского” сообщества были деньги. Это существенно отличало его от земледельческого большинства, основой хозяйствования которого была земля... В отличие от остального общества, где деньги воспринимались как “необходимое зло”, в еврейском сообществе деньги были разделяемой базовой ценностью»³⁷.

Не в дореволюционном, а, спустя век, в современном российском обществе антропологи фиксируют примеры магического отношения к деньгам: показать «денегу» растущему месяцу в небе – чтобы деньги прирастали; черт раскладывает порченные денежки на улице – их нельзя поднимать; хозяйка держит веник перевернутым – чтобы деньги из избы не вымести, – эти и другие практики характерны для наших современников как в городах, так и в провинции.

Понятие собственности неотделимо от рыночных отношений. Оно вырастает из рынка, упорядочивает и регулирует рыночные отношения. Традиционное российское крестьянство – дорыночное. Его идеал – натуральное хозяйство. Ненависть к кулаку – органика отношения принципиально дорыночного человека к человеку рынка, который привносит рынок, разрушающий патриархальную реальность, в «наш» мир. Человек рынка обладает навыками и компетенциями, которых напрочь лишен дорыночный человек. Он может соблазнить, обмануть, загнать в кабалу и так далее. Наконец, он разрушает великий и вечный принцип крестьянской уравнительности, на котором стоит сельский мир.

Собственность базируется на полноте свободы и ответственности – юридической и экономической, дающей право компетентно распоряжаться объектом собственности. Русский крестьянин *частично* (часто минимально) *субъектен*. Его свободу ограждает иерархия, наблюдающая за ним, присматривающая, «чтобы не начудил».

Всеобщий присмотр всех за всеми – норма патриархальной жизни. В традиционной деревне эта практика сохраняется по сей день. Старшие присматривают за молодыми, женщины – за девушками и докладывают старшему в роде. Мужу сообщают, куда ходила жена. Жене – где и с кем «путался» муж. Родителям – где были и что делали дети. Какая бы то ни было приватность в этой реальности немыслима.

Существуют вещи, о которых мы стараемся не думать и которое не любим произносить вслух. Они разрушают психологически комфортную картину мира, колеблют позитивные мифы, на которых базируется наша культура. Прежде всего, это мифология Просвещения и мифология Прогресса, на которых исторически базируется позитивная финалистская картина мира³⁸. Ценность свободы относится к общеразделяемым (вернее, общедекларируемым) конвенциям нашего общества. Мы все декларируем приверженность свободе и полагаем себя свободными людьми. При этом масса людей не различают «свободу» как категорию личностного сознания и архаическую «волюшку вольную».

Понятие «свобода» имеет два измерения: социальная свобода, которая задается внешней по отношению к субъекту инстанцией (конвой, власть, Церковь, барин, общественное мнение),

³⁶ Богданов К. Фольклорный аудит: наличность и персонал // Фетиш и табу: Антропология денег в России. С. 276.

³⁷ Хаккарайнен М. Еврейские деньги в постсоветских воспоминаниях // Фетиш и табу: Антропология денег в России. С. 445.

³⁸ Речь идет не об идеологиях Просвещения и Прогресса, а о мифологических трактовках этих идеологических систем, в которых Просвещение и Прогресс выступают гарантами наступления «светлого будущего» всего человечества.

и свобода внутренняя, задаваемая нравственным сознанием человека. Зрелый, внутренне свободный человек может оказаться в ситуации, которая жестко ограничивает его свободу. К примеру – жизнь в СССР. Что же касается внутренней свободы, то она формируется по мере становления человеческой личности, предполагает постоянную самооценку и работу этических рефлексов. Внутренняя свобода неотделима от феномена совести.

Заметим, народное сознание различает стыд и совесть. Это различие проявляется в присказке «ни стыда ни совести». Если совесть есть глас Божий в человеке, то стыд предполагает внешнюю по отношению к субъекту действий санкцию («людей бы постыдился»).

Так вот, традиционно-архаический человек вожделеет «волюшки вольной», то есть такой ситуации, когда он может идти за любыми своими импульсами и желаниями, которым никто не препятствует.

Это различие интересно проявлялось в культуре преступного сообщества. В доброе старое время во всех местах заключения висел плакат «На свободу с чистой совестью», в то же время воровская клятва звучала как «Век воли не видать». Власть вдохновляла заключенных стремлением к свободе, а настоящий вор вожделеел воли.

Свобода возможна в контексте зрелого нравственного сознания. Она *неотделима от ответственности*. Человек, лишенный нравственных оснований и попадающий в ситуацию социальной свободы, *безответствен* во всех аспектах и проявлениях. Он сдерживаем только внешними механизмами и мечтает о мире, в котором эти ограничители отсутствуют. Этот человеческий тип называется *рабом*. Наши представления о политкорректности заставляют избегать данного определения, между тем оно точно фиксирует качественные характеристики исследуемого явления.

Культура раба разных социальных инстанций не формирует и не закрепляет в чреде поколений навыков, компетенций и черт характера, необходимых для ответственного поведения. По всему этому *традиционный, дорыночный человек экзистенциально не готов к ситуации свободы и ответственности*, в том числе и в рыночной реальности. А кулак (богачей, мироед, сволочь) – готов и, естественно, пользуется этим конкурентным преимуществом, загоняя мужика в кабалу. К примеру, традиционный человек, как и ребенок, живет в горизонте «здесь и сейчас». И если ему предлагают прямо сейчас нечто очень привлекательное, а расплатиться надо будет потом, когда-то, – нет сил устоять. Собственник, человек рынка живет в пространственно-временном континууме. Он автоматически просчитывает: сколько это привлекательное стоит сейчас, какая цена сложится через месяц или через полгода. Для него трата всегда осмысленна. Можно рисковать, но – осознавая это обстоятельство и соотнося риск с перспективой возможной прибыли. Традиционный человек вообще не мыслит в категории прибыли. Деньги жгут его карманы. От них надо быстро освободиться.

Русский крестьянин *отказывал частной собственности в моральной санкции*. Утверждал, что собственность – реалия чуждого крестьянству мира: города, торговли, воплощающих товарно-денежные отношения инородцев, господ, государства. И всеми силами выдавливал деньги и собственность из сельского мира. Классовая ненависть крестьянина к кулаку – фронт отторжения чуждого мира, разрушающего вечный космос досовременного общества.

Интересно и в высшей степени показательно, что российский интеллигент, любующийся крестьянским миром, ровно так же осуждал кулака как агента темных сил, разрушающих дорогой его сердцу патриархальный мир. Приведем известное высказывание публициста-народника Александра Николаевича Энгельгардта: «Этот ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги... Этот кулак землей занимается так себе, между прочим... У этого все зиждется не на земле, не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, кото-

рый раздает в долг под проценты. Его кумир – деньги, о приумножении которых он только и думает... Он пускает этот капитал в рост, и это называется “ворочать мозгами”. Ясно, что для развития его деятельности важно, чтобы крестьяне были бедны, нуждались, должны были обращаться к нему за ссудами»³⁹.

В данном высказывании гораздо интереснее не оценка кулака, а характеристика Энгельгардта, которая вырисовывается из текстов известного публициста и знатока русского крестьянства. Энгельгардт отторгает экономического человека по принципиальным основаниям. При этом позиция самого автора внутренне противоречива. Помещик, согласно Энгельгардту, может разворачивать товарное производство. Это нормально и естественно. А крестьянин должен трудиться из любви к труду, земле и хлебу. Кулак, осознавший смысл и природу денег, усвоивший потенции капитала, перешедший от натурального хозяйства к товарному, предал вечное предназначение крестьянина, и нет ему оправдания.

Здесь вспоминается Маркс, утверждавший, что владелец сталеплавильного завода занят не производством стали. Он делает сталь по поводу получения прибыли. Коммунистическое, равно как и реакционно-романтическое, отторжение «мира торжествующего чистогана» облекается в формы морального осуждения. Капиталист не любит продукта, который производит для рынка: он одержим страстью к наживе. К счастью, старшее поколение нашей страны пожило в мире, где решительно все делалось «во имя человека и для его блага», и никогда не забудет того бесконечного убожества, которое окружало советских людей. Не забудет ни магазинов «Березка», ни завистливых взглядов на немногих счастливицев, ездивших за рубеж и приобщенных к волшебному слову «импортное». Истина, что человек делает что-либо безупречного качества в том случае, если альтернатива – разорение и утрата социальных позиций, досталась нам слишком дорого, чтобы разделять иллюзии феодального сознания.

Русский интеллигент так же, как аристократ, дворянин, Православная церковь, чиновник и традиционный крестьянин, был воинственным носителем добуржуазного и антибуржуазного сознания. В России сложился мощный консенсус, направленный на противостояние включению России в общеевропейские процессы XX века. Российское образованное общество славило натуральное хозяйство и отрицало крестьянина, вписанного в рыночные отношения и эффективно оперирующего на рынке. Приведем суждение Михаила Давыдова – автора фундаментального исследования, посвященного пореформенной эпохе: «В основе неприятия Столыпина современниками лежало крепостническое сознание образованного российского класса, который эти ценности (частная собственность, экономическая свобода) предназначал только для себя, но не для народа»⁴⁰.

³⁹ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, 1956. С. 400.

⁴⁰ Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. СПб.: Алетейя, 2016. С. 429.

Типология сознания

Сформулируем важный тезис: условие устойчивого существования частной собственности – экономическое мышление в обществе в целом и как минимум в слое собственников. Не будем заглядывать слишком глубоко, обратимся к пореформенной России 1861–1917 годов.

Крестьяне были очевидно лишены экономического мышления. Тысячи свидетельств, рассыпанные в литературе, подтверждают это. Крестьянин, ставший на путь формирования экономического мышления и ушедший от натурального хозяйства, двигался к статусу кулака либо предпринимателя. Бесконечные инвективы, обращенные к мироедам-кулакам, лишний раз свидетельствуют, что объектом кулацкого «закабаления» был девственный доэкономический человек.

Дворянство и аристократия – также носители доэкономического сознания. И этот, казалось бы, парадокс заслуживает внимания. Владельцы крупной собственности, люди, жившие в большом обществе, умели тратить, но не умели считать, соотносить свои доходы и расходы и в целом не умели мыслить экономически, были некомпетентны в элементарных вещах. Все хозяйственные и управленческие заботы лежали на управляющих имениями. От управляющего ждали доходов и экстраординарных поступлений в особых ситуациях. Помещик в принципе был лишен способности соотносить расходы с доходами, поэтому земли закладывались и перезаклаывались, леса и «вишневые сады» продавались, а разорившийся помещик, в конечном счете, шел на государственную службу. Естественно, что типичный управляющий пользовался минимальной компетенцией своего нанимателя, обкрадывал его и за пару десятков лет наживал приличное состояние.

Истины ради отметим, что с эпохи Екатерины II в России складывается слой помещиков-рационализаторов. Возникают такие объединения, как «Вольное экономическое общество», публикуются статьи и книги по проблемам сельского хозяйства. По существу, помещик, пошедший по пути освоения экономического мышления и постижения перспективных технологий, превращался в предпринимателя, хотя и оставался в рамках своего сословия. При этом надо подчеркнуть, что описанное движение охватывало меньшую часть помещичьей среды.

Вспомним Гоголя: «...или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выражение». Помещик Манилов – фигура сатирическая, гротескная. Тем не менее давайте задумаемся об экономическом содержании данного прожекта. Прежде всего, «каменный мост через пруд» – нонсенс. Каменный мост имеет смысл только в том случае, когда на этом пути существует достаточный грузо- и человекопоток. Что же касается «лавок с купцами», то они возможны только в том случае, если по мосту идет серьезный поток потенциальных покупателей (множество платежеспособных людей). Экономически мыслящему человеку подобные химеры просто не могли бы прийти в голову. Проще забавляться образами трехглавого дракона. Прелесть в том, что Манилов не просто прекраснодушный идиот, а *владелец поместья*, которому экономическое мышление полагается *ex officio*. На этом контрасте Гоголь выстраивает образ и добивается художественного эффекта.

Беспомощность российского помещика, несостоятельность его как владельца сельхоз-производства раскрываются в пореформенной художественной литературе. Помещик знает что-то про реалии крестьянской жизни и сельскохозяйственного производства, оперирует

отдельными словами, но не чувствует, не постигает природы этой реальности и поэтому беспомощен в торге с богачом из крестьян, надумавшим прикупить у него задешево часть поместья.

Царское правительство последовательно поддерживало дворянство, создавало дворянские банки, давало разнообразные преференции. Однако носители добуржуазного, сословного сознания неукротимо разорялись и нищали.

То же можно сказать о российской аристократии. Личный секретарь Распутина, Арон Симанович, владелец ювелирного магазина, активно оперировавший в придворных кругах, замечает: «Большинство лиц из царского окружения были очень ограничены, неопытны и беспомощны в самых обыденных жизненных вопросах»⁴¹. Он же пишет о людях «...которые занимали высокое общественное положение, но были в хозяйственно-бытовых вопросах, как то: покупки или продажи каких-либо ценностей или получении кредитов, совершенно беспомощны. Необходимо заметить, что петербургское великосветское общество отличалось особенным незнанием деловой стороны жизни»⁴². Эти люди были выше каких-либо экономических компетенций. Все это – дело obsługi: юристов, адвокатов, управляющих.

Если массовый советский человек просто не задумывался об экономическом измерении жизни, поскольку в окружающей его реальности ничего подобного не было, то дворянин и аристократ ограждали себя от экономического сознания по принципиальным соображениям. Все эти материи были достоянием выскочек, буржуазии, интеллектуальной obsługi, призванной брать на себя грязный и недостойный приличного человека труд.

Российский интеллигент также ограждал себя от экономического сознания по принципиальным соображениям. Ибо видел в зрелой рыночной экономике ту силу, которая разрушает прекрасный мир интеллигентской мечты и противостоит надеждам и упованиям интеллигента. Кроме того, все это было неинтересно, приземленно, не возвышенно. Интеллигентская система ценностей отторгала как отдельные компетенции, так и систему экономического мышления в целом. Человек из интеллигентской среды, пошедший по пути экономических практик, просто превращался в предпринимателя и утрачивал исходную идентичность. Подобная история с неподражаемой чеховской иронией излагается в рассказе «История одного торгового предприятия».

Рассказ этот про то, как некий молодой человек получил значительное наследство и решил открыть книжный магазин, ибо «город коснел в невежестве и предрассудках, старики только ходили в баню, чиновники играли в карты и трескали водку, дамы сплетничали, молодежь жила без идеалов». Однако покупателей не было. Через три недели зашел первый покупатель и спросил грифели. Герой закупил канцелярские принадлежности, и к нему изредка стали заходить покупатели. Так, отвечая на запросы клиентов, герой повествования смещался, все далее уходя от исходных книг. Сейчас он «торгует посудой, табаком, дегтем, мылом, бубликами, красным, галантерейным и москательным товаром, ружьями, кожами и окороками». А книги «давно уже проданы по 1 р. 5 к. за пуд».

Вообще говоря, с Чеховым можно поспорить. Для изменения ситуации в городе N требовался не магазин, а некоммерческое культурно-просветительское учреждение: библиотека, клуб, театр-судия. С другой стороны, книги – юношеское увлечение героя, а не органика его личности. Отсюда и стремительная эволюция молодого человека. И, наконец, движение навстречу запросам клиентов раскрывается в рассказе как путь деградации героя, что отвечает народнически-интеллигентской мифологии, призывающей

⁴¹ Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М.: Яуза, 2005. С. 80.

⁴² Там же. С. 77.

интеллигента «вести народ к вершинам добра и справедливости», но в практике коммерческой деятельности все далеко не так. Реальность диалектичнее и противоречивее.

Российское мещанство, городские низы, хотя и жили в большом обществе, где деньги были вечно актуальной проблемой, – жили вне культуры, ориентированной на экономическое измерение жизни. У них не было ни предпосылок, ни желания погружаться в экономическое измерение бытия. Герой рассказа Гоголя «Шинель» – бедный и нищий человек, жил в горизонте сиюминутных нужд и не видел для себя выхода. Те же немногие, кому удавалось пойти по пути предпринимательства, покидали мещанскую среду.

Обобщающее суждение профессора Пайпса: в России собственность понимается как безусловное зло – страшная истина, о которой мы стараемся не задумываться. Обратимся к пьесе Чехова «Вишневый сад». Для героев пьесы, к которым автор относится с сочувствием и безусловной симпатией, старый сад – мир, в котором прошла вся их жизнь. Прекрасный и единственно освоенный.

И вот на этих людей надвигается драма. Дело в том, что за жизнь на земле надо платить. Расплачиваться наличными в самом прямом, исходном смысле слова. Поэтому имение приходится продавать за долги. Идея о том, что территорию, на которой разбит сад, можно использовать коммерчески, лежит вне сознания и пространства мышления героев пьесы. Малосимпатичный зрителю, чуждый миру насельников вишневого сада купец Лопухин предлагает разбить сад на участки и предлагать в аренду под дачи. Экономически это абсолютно разумное решение. Но в логике пьесы оно вызывает протест: еще бы, ведь придется вырубить сад!

Перед нами разыгрывается драма наступления бездушного буржуазного мира на очаровательный островок дворянского бытия. Прекрасные, но абсолютно непрактичные хозяева вишневого сада сталкиваются с жизнью, в которой побеждают менее прекраснотушные, но более практичные люди, – это и составляет содержание пьесы. Герои Чехова по своим онтологическим основаниям пребывают вне экономического сознания. Они антибуржуазны по определению.

О чем же пьеса Чехова? О том, что рыночная экономика в рамках авторегулятивных процессов передает крупный земельный участок от неэффективного собственника эффективному. Этот ход мысли внеположен русской культуре и представляется чудовищным. Происходит это потому, что само *российское* социокультурное *целое выступает неэффективным собственником* и отстаивает свое право быть неэффективным собственником вечно, ибо это соответствует неким сакральным основаниям российского бытия. Русский бог против эффективной частной собственности. Он признает держание (*detentio*), сословный порядок и неизменные основания бытия.

Суммируем: в дореволюционной России экономическое сознание присутствовало в среде кулачества, купечества и предпринимателей, а также в том слое профессионалов, которые выполняли менеджерские и управленческие функции в промышленности и сельском хозяйстве⁴³. Если быть скрупулезным, можно отдельно упомянуть еврейскую среду, в которой экономическое сознание закрепилось исторически и задавало профессиональный выбор и жизненные сценарии, а также российских греков и российских немцев. Сверх всего этого существовал очень узкий сегмент бюрократии, профессионально компетентный в вопросах экономики. Названные социальные группы в совокупности едва ли насчитывали пять процентов населения.

⁴³ К примеру, учреждение высшего агрономического образования готовило специалиста, призванного стать управляющим имением. То есть возглавить товарное производство сельхозпродукции в промышленных объемах. Профессия агронома предполагала не только производство, но и торговлю сельхозпродукцией.

В свете сказанного выше становится понятным историческая неизбежность советского этапа отечественной истории. Общество, категорически не готовое вступить в мир частной собственности и товарно-денежных отношений, было обречено на хилиастическую утопию.

Коммунистический проект интенционально был устремлен во внеэкономическое пространство. В обществе будущего останутся и производство, и потребление, но никаких денег и счетов не будет. С самого начала была реализована политика «военного коммунизма» (1918–1921 годы), включавшая в себя централизованное управление экономикой, запрет частной торговли, свертывание товарно-денежных отношений и милитаризацию труда. Эта политика привела к распаду экономики и завершилась Кронштадтским восстанием матросов и жителей города против большевиков и политики «военного коммунизма». В результате большевики быстро перешли к НЭПу – новой экономической политике. НЭП разрешал частное предпринимательство и возрождал рыночные отношения. Иными словами, с этого времени советское общество вынужденно использовало *отдельные* механизмы нормальной экономики. Но это было лишь частичное использование отдельных элементов.

При том что «правильный» советский человек знал: в «светлом будущем» ни денег, ни частной собственности, ни буржуйских счетов между своими не будет. Все это окончательно отомрет. Товарно-денежные отношения и частная собственность отторгались по фундаментальным основаниям. В Советском Союзе вся реальность в ее экономическом измерении была вопиющим нарушением законов экономики и логики экономического поведения. Поэтому искренне ощущать себя советским человеком и одновременно мыслить экономически было невозможно.

На советском этапе отечественной истории экономическое мышление присутствовало в небольших группах, члены которых по своему выбору отторгали советскую модель и шли по пути качественной альтернативы. В послевоенную эпоху в нашей стране сложилось явление, получившее название «цеховики». Так называли подпольных предпринимателей, решавших проблему хронического товарного дефицита и закрывавших ниши в ассортименте потребительских товаров. Эту сферу производства называли «теневая экономика». Цеховики находили необходимое сырье, налаживали производство по поддельным документам и организовывали сбыт. Кроме того, им приходилось щедро раздавать взятки во всех государственных структурах, что гарантировало успех. Перед нами – полноценная предпринимательская деятельность, охватывающая весь цикл организации бизнеса, производства и реализации продукции. Этот род занятий требовал зрелого экономического мышления.

В Советском Союзе существовало и чисто спекулятивное предпринимательство, не связанное с производством. Эти люди также умели экономически мыслить. Можно вспомнить, возможно, узкий, но интересный рынок произведений искусства и антиквариата. Автор наблюдал это явление в 1960–70-е годы и может свидетельствовать, что люди, оперировавшие на данном рынке, мыслили экономически. Среди прочего люди, вкладывавшие свои деньги в произведения искусства, во-первых, были озабочены выгодным вложением средств (а в СССР власти сознательно создавали такую ситуацию, в которой вложить солидные деньги во что-либо было невозможно) и, во-вторых, думали о том, что будет, когда социалистический эксперимент закончится. Надо сказать, что они не ошиблись в своих расчетах.

Сверх этого можно упомянуть профессионалов, работавших в сфере внешней торговли и банковских операций, и крошечную горсть молодых экономистов, занимавшихся исследованием западной экономики. В общем объеме советского общества названные группы имели ничтожную долю. Отсюда характерное явление 90-х годов прошлого века: в нашей стране катастрофически не хватало людей, компетентных в рыночной экономике.

Директора советских предприятий работали в системе государственного планового хозяйства. Важно осознавать, что советское плановое хозяйство по своей природе – внеэкономический феномен. Там, где нет цены (а цену на что-либо устанавливает не Госплан, а рынок),

нет конкуренции, нет полноценной самостоятельности экономических субъектов, – нет и экономики, а есть социалистическое хозяйство. По всему этому какие-то азы экономики советские директора усваивали, но стиль их мышления и образ действий были специфически советскими. Как правило, эти люди получали инженерное образование и прекрасно разбирались в промышленных технологиях. Кроме того, они обладали неформальными связями и навыками советского стиля руководства.

В 1990-е годы возникает понятие «красные директора» – так называли советских начальников, оставшихся на должностях после перехода к рыночной экономике. «Красных директоров» отличали авторитаризм, некомпетентность в юридических и финансовых вопросах, неготовность к деятельности в условиях рынка. Показательно то, что лишь немногие «красные директора» выжили в условиях рынка и продолжают оставаться частью экономической элиты⁴⁴. Иными словами, сознание советских руководителей лежало за рамками зрелого экономического мышления.

Экономическое сознание формируется заново в постсоветскую эпоху. Сегодня экономическое сознание отчасти задается целостностью реальности, в которую вписан массовый человек. Высшее образование предлагает абитуриентам множество менеджерских, юридических и экономических специализаций. Наконец, профессиональная деятельность массы людей побуждает их к постижению экономической логики. При всем этом российская средняя школа пока категорически не готова формировать как правовое сознание, так и экономическое.

Ответить на вопрос, какая доля российского общества обрела экономическое сознание, для кого видение социальной реальности через призму экономики стало органикой мышления, сегодня не представляется возможным. Самое тревожное обстоятельство состоит в том, что экономические компетенции и экономическое сознание не опривычены, не укоренены в культуре, не стали органикой – тем, что само собой разумеется и входит в круг безусловных конвенций. Внедрение экономического мышления происходит повсеместно, но эти процессы далеки от необратимых изменений.

⁴⁴ Моченов А.В. и др. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / Моченов А.В., Никулин С.С., Ниясов А.Г., Савваитова М.Д. М.: Олма-Пресс, 2003.

Личностное измерение традиционного доэкономического сознания

Начнем с того, что для вписанного в традиционную культуру массового человека понятие «частная собственность» – малопостижимая абстракция. Жизнь многих поколений его предков разворачивалась в пространстве права родового (семейного) пользования. Хозяином патриархальной семьи выступал «большак». И при том что права хозяина никто не оспаривал, в строгом смысле «большак» был распорядителем семейных активов. Если «большаку» случилось нарушить коренные интересы семьи, то старший сын и остальные члены семьи свергали «большака» и передавали старшинство в семье сыну. Подобные коллизии описаны в русской литературе начала XX века.

Здесь стоит отметить, что *традиционное сознание не различает власть и собственность*. Поскольку устойчивого и всеобщего института частной собственности в русской истории не было никогда, само понятие «собственность» не вошло в сознание и культуру как значимый, понятный и освоенный элемент. В СССР директора завода называли «хозяином», хотя по существу он был назначенным менеджером. В российском сознании «править» и «владеть» – тождественные и неразличимые понятия.

Иными словами, речь идет о *держании*, что есть право распоряжения и фактического обладания без полноценного права владения. Причем по большей части речь идет о бытовом имуществе. Нет экзистенциально закрепленного опыта обладания и управления капиталом. Напрочь отсутствует *правовое мышление*, а без него собственность в стратегическом аспекте невозможна. Равно отсутствует *экономическое мышление*. Никто не объясняет детям, что за все ресурсы надо платить, и не учит считать затраты, выручку, эффективность как в рамках коммерческого проекта, так и «по жизни». Не формирует комбинаторного мышления. Комбинаторное мышление – неотъемлемый атрибут экономического мышления и коммерческого сознания, а в советской реальности – негативная характеристика. Явно отрицательный герой романа «Золотой теленок» Остап Бендер характеризуется авторами как «великий комбинатор». Комбинатор – жулик, барыга, «не наш» человек.

В обыденном сознании собственность сводится к бытовому имуществу. Массовый человек не помышляет о собственности как экономическую категорию, не видит в ней потенциал роста и оснований для независимого существования. Умозрительно позавчерашний крестьянин может представить себе ситуацию, когда на него свалится настоящее богатство и можно будет жить всласть и не работать. Последнее существенно. Наш человек убежден, что деньги «загребают» для того, чтобы жить припеваючи и не работать.

И еще одно наблюдение: не слишком задумываясь и не формулируя этого вслух, носитель традиционного сознания исходит из того, что он и собственность принадлежат разным мирам. Собственность возможна «у них». У нас ее не бывает, да она нам и не нужна.

Здесь имеет смысл обратиться к личным наблюдениям. Я жил в советской семье с репрессированными родственниками, где при ребенке ничего лишнего не говорили и страшно боялись любой крамолы. Ничего, что можно было бы квалифицировать как передачу каких-либо компетенций или «чуждого» мировоззрения, не происходило. Меня, правнука нормального бельгийского буржуа, никто не учил копить деньги, но уже в старших классах школы я фиксировал, что в моем активе находится значительная, по меркам моих соучеников, сумма, собранная из копеек, выдававшихся на пирожок в школьном буфете. А студентом я поражаюсь сокурсникам,

не понимавшим, что можно вложить деньги в те или иные предметы, которые через три-пять месяцев можно продать с выгодой. Сама идея выгодного вложения лежала за рамками сознания моих сверстников. Не то чтобы они не могли постичь эту идею, но это было «из другого мира». В традиционной крестьянской культуре, которую наследовали советские люди, существует не осознаваемая субъектом действия табуация коммерческих практик. Табуировались коммерческие компетенции и сам тип коммерческого мышления. Все это чуждо, неинтересно, не увлекает «нашего» человека.

Для чего мне были нужны эти карманные деньги? Они давали свободу, наделяли меня субъектностью. Избавляли от необходимости просить у родителей в случае какой-либо нужды. Скорее всего, родители дали бы (хотя отец был человеком строгим и наши представления о том, что нужно, а что не нужно, могли не совпасть). Но при наличии карманных денег это были бы мое решение и моя ответственность. Понятно, что в четырнадцать-пятнадцать лет этих умных слов я не знал и внятно сформулировать свою позицию не мог. Но переживал ситуацию именно так.

Наблюдательные люди фиксируют примечательное явление: если на традиционного человека случайно сваливаются значительные деньги, он пугается, переживает чувство дискомфорта. От денег надлежит поскорее избавиться. Пропить, прогулять, тезаврировать в приданое дочери. Женщина быстро потратит случайные деньги на тряпки и прочую мишуру. Главное – успеть, пока не отняли муж или старший сын. Русская традиционная культура предполагает *существование вне денег*.

Идея вложить во что-то деньги с тем, чтобы получить прибыль, блокируется традиционной культурой. Идея купить не одного, а двух поросят, выкормить и одного под праздники продать, выручив хорошие деньги, заведомо покрывающие расходы средств и затраты труда, не приходит в голову. Так ведут себя ловчи́лы, кулаки и евреи. Натуральное хозяйство – естественное и благое. Товарное производство – чуждое и предосудительное. Оно может иметь оправдание: надо сына отправить в школу или выдать дочь замуж. Но само по себе товарное производство – не наше дело.

Вспомним советскую фразеологию. На так называемых колхозных рынках продавались «излишки сельскохозяйственного производства». Специально для рынка выращивают продукцию только спекулянты проклятые. «Наш человек» торгует излишками. Вот придет коммунизм, и он будет раздавать эти излишки даром и так же, даром, брать все в сельмаге, а пока приходится продавать.

Любое включение «нашего человека» в мир денежных отношений вызывало протест идеологов архаики. Освещая отношение российских социалистов к проблеме сбережений, правовед и философ Борис Николаевич Чичерин писал: «...социалисты, напротив, всеми силами ополчаются против сбережений. Они смело утверждают, что рабочий не может и даже не должен сберегать, что он, сберегая, *крадет у других* и превращается в *презренного мещанина*»⁴⁵. Утверждение относительно «кражи» оставим на совести русских социалистов. А вот пассаж о презренном мещанине примечателен. Встав на путь сбережений, рабочий обретал бесценный экзистенциальный опыт существования вне ситуации, когда деньги в кармане строго ограничены минимумом, необходимым для того, чтобы дожить до полочки. Иными словами, обретал потенциальную возможность социальной альтернативы. Это «у них» есть сбережения и все то, что неизбежно вытекает из сбережений. «Наш человек» живет с голой задницей и гордится этим. В данной диспозиции он куда ближе к коммунизму (вариант – ближе к Богу).

Идея о том, что значительная собственность – это прежде всего *дело* (my business), которое властно требует от владельца *служения*, самоотдачи и ответственности и далее, логикой

⁴⁵ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб.: РХГА, 2005. С. 526.

своего развития, подвигает владельца к гражданской, культурной и политической активности, чужда традиционному россиянину. Он точно знает: окажется крупная собственность в его руках, уж он бы развернулся. Он бы зажил в свое удовольствие.

В растительном царстве есть такое понятие: пустоцветы. Олигархи, тратящие сотни миллионов долларов на циклопические дворцы и яхты, – специфическая примета третьего мира. Общества, лишённые твердой буржуазной морали, не постигают нравственного и религиозного смысла крупной собственности. Отсюда особый бандитский шик и торжество плебейского вкуса в среде приближенных к власти скоробогатеев.

Здесь мы касаемся огромного тематического пространства: нравственного и религиозного смысла собственности; воздействия собственности на человека; отсеивания тех, кто лишен этого призвания и не способен служить крупному делу; формирования этоса бизнеса; складывания предпринимательских династий; вклада бизнеса в историю и цивилизацию.

Возможно, что говорить об этом в нашей аудитории еще рано. Общество не созрело для такого разговора. Хочется надеяться, что однажды придет время и для обсуждения названных тем.

Проблема мещанства

Вспомним мощнейшую идеологическую традицию советского поношения «мещанства», «вещизма», «приобретательства». Это «у них» дом – полная чаша, слоники на буфете, герань на подоконниках и непеременимые сбережения. «Наш человек» живет иначе. Гордо и безалаберно. Если мы вчитаемся и вслушаемся в эти филиппики, то обнаружим не только советский соцказ, но и российско-интеллигентское отторжение «мещанина», трактуемого как онтологическая альтернатива интеллигенту.

Ненависть к мещанину имеет глубокие корни, которые чаще всего не проговаривают обличители мещанства. Заметим, оборот «презренный мещанин» – самоочевидный для российских социалистов. Мещанство (филистерство, обывательщина, ограниченность, бюргерство) – полюс расточествления, жупел в социалистически-народнической картине мира. Дело в том, что человек, твердо стоящий ногами на земле, укоренен в бытии, лишен онтологического сиротства, присущего российскому интеллигенту. «Наш человек» наделен комплексом специфической несамодостаточности и тянется к внешней опоре, которую находит в великих идеях или сакральной власти, наконец, тяготеет к сословному обществу. А мещанину, то есть человеку, ставшему на путь формирования буржуазного сознания, не нужна внешняя опора. Кроме того, он указывает российскому интеллигенту на жизненную альтернативу, которая, черт ее возьми, соблазнительна.

У проблемы мещанства есть и религиозная составляющая. Дело в том, что традиционный носитель российской психеи страдает мироотреченностью. Мир этот для него неподлин, кардинально отличается от сакрального Должного и обречен погибнуть. Эта, гностическая интенция часто не отрефлексирована и понимается в несобственных моделях. Тем не менее она присутствует. А мещанин, филистер и обыватель укоренен в бытии, и это вызывает метафизический протест⁴⁶. Обыватель забыл высокое призвание страдать безмерно в этом мире и стремиться к миру иному, прекрасному и подлинному в высшем смысле.

Мироотречник, по фундаментальным обстоятельствам отторгающий страшный, отягощенный злом материальный мир и чающий иного, совершенного мира, в лице ловчицы, обывателя сталкивается с тем, кто исходно принял этот мир и неплохо в нем устроился. Такая диспозиция вызывает метафизический протест и убеждение, что в конце концов мещанина ожидает крах.

Интеллигент по своей интенции пневматик, устремленный к миру иному. Он и собственность несовместимы. Мещанин же – собственник исходно, по своей природе. Мы говорим о структуре личности. И заметим, если человек – собственник по своей сути, раньше или позже у него появляется значительная собственность.

⁴⁶ Подробнее см.: Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь, 2011.

Собственность, ответственность и свобода

Собственность неотделима от свободы и ответственности. Она даже не предполагает, а властно требует полноценной субъектности. В нормальной рыночной экономике человек, лишенный этих характеристик, неизбежно и в скором времени разорится. Между тем российская реальность веками базировалась на частичной, минимальной субъектности пасомых, более зрелой субъектности пастырей и абсолютной субъектности Верховного правителя.

Иными словами, в сословном деспотическом обществе существует задача *блокировать формирование субъектности* подъяремных и подъясачных. Вслух эта задача не обсуждается, но постоянно имеется в виду. Чернь неразумная должна так и оставаться чернью. Политика в области образования, работа идеологических институтов (церкви, партии), экономическая и социальная политика формировались таким образом, чтобы широкие массы оставались в гетто безгласного, некомпетентного, а потому *требующего поводыря* быдла.

Правящая элита Российской империи сделала выводы из европейских революций XIX века. Промышленное развитие, «язва пролетариата» разрушают прекрасный и вечный мир сословного общества. Самодержавный монарх нужен патриархальному народу, нужен дворянству и всем верноподданным, которых важно уберегать от губительных соблазнов. В практическом плане это означало минимальное развитие образования и сохранение передельной общины. Важно было тормозить расслоение крестьянства и выделение ориентированных на рынок крепких хозяев.

Эти задачи плохо сочетались с развитием промышленности, но чем-то всегда приходится жертвовать. Промышленная революция медленно, но неуклонно созидает рационально мыслящего экономического человека. Она двигает общество в направлении роста субъектного начала. Когда австрийскому императору Францу Иосифу предложили: «Давайте строить железные дороги», – он воскликнул: «Нет, нет, ни в коем случае. По этой дороге ко мне придет революция!». Российская элита мыслила сходным образом.

Личностная независимость и полноценная субъектность широких масс отрицали устойчивый социальный порядок со всеми вытекающими привилегиями полноценного субъекта, ведущего по жизни неразумную чернь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.